

18+

роман
РОБИН КАЭРИ

МОМЕНТ ИСТИНЫ

ЧАС КУПИДОНА. ЧАСТЬ III

Робин Каэри

**Час Купидона. Часть
III. Момент истины**

«Издательские решения»

Каэри Р.

Час Купидона. Часть III. Момент истины / Р. Каэри —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590813-1

Загадка Часа Купидона разгадана, и часовой вор вот-вот окажется в руках правосудия! Но так ли это? Ведь в Лувре всё далеко не так, как кажется — за блистательной роскошью парадных залов и галерей скрыты опасные интриги и мрачные тайны прошлого. Момент истины — всё раскроется, но совершенно неожиданным образом. На сцене появляются новые лица и маски, вовлечённые в заговор, который вошёл в историю как «Час Купидона». Апрель 1654. Франция, Париж. Третья и заключительная часть романа «Час Купидона».

ISBN 978-5-00-590813-1

© Каэри Р.
© Издательские решения

Содержание

Час Купидона. Часть III. Момент истины	6
Пролог. Мадам де Ланнуа становится соучастницей	6
Глава 1. Завтрак с пристрастием	14
Глава 2. Неудача или везение?	21
Глава 3. Выполненный квест	25
Глава 4. Утро с комиссаром Шатле	32
Глава 5. Павильон Гонди	40
Глава 6. Дела тюремные	46
Глава 7. Неожиданные подробности	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Час Купидона. Часть III. Момент истины

Робин Каэри

Дизайнер обложки Dominique Leostelle

© Робин Каэри, 2024

© Dominique Leostelle, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0059-0813-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0059-0809-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Час Купидона. Часть III. Момент истины

Пролог. Мадам де Ланнуа становится соучастницей

Вечер. Лувр. Комната герцогини де Ланнуа

Камешек, подброшенный носком сапога, пролетел далеко вперёд, срикошетил от стены дома, подпрыгнул несколько раз и прокатился по мостовой, пока не плюхнулся в тёмную лужу. Проследив за полётом камешка, словно от того, где закончится его путь, напрямую зависело нечто важное в будущем, Франсуа-Анри усмехнулся и тихо произнёс:

– Ожидая невероятного и веруя в несбыточное, не грешим ли мы перед действительностью?

– Что? – спросил де Лозен, примкнувший к нему уже на подходе к Лувру.

– Это я так. Напоминаю самому себе некоторые прописные истины, – дю Плесси-Бельер откашлялся в ладонь, затянутую в перчатку из тонкой замши. – Кашель? Только этого не хватало! Неужели апрельский стылый ветер поймал меня? Надо бы мне заглянуть к моей дорогой крёстной на чашку горячего отвара.

– Ага! – понимание в усмешке было встречено довольной улыбкой на лице собеседника, но де Лозен не заметил того, засмотревшись на дворцовые окна. – Как по мне, так во всём королевском дворце не найдётся лекарства лучше, чем доброе вино. Рекомендую! А ещё лучше – так это хорошенько попотеть со шпагой в руке.

– Дуэль? Как-то ненадёжно для лечения простуды. Но пока дело дойдет до настоящего поединка, простуда либо уйдёт сама, либо сведёт в могилу.

Недоверчивый тон дю Плесси-Бельера задел гасконца за живое. Он высоко вскинул подбородок и смерил маркиза пронизывающим до глубины души взглядом.

– Зачем же дуэль? Можно попотеть и в фехтовальном зале. Да и дуэль можно назначить там же. Это куда быстрее и надёжнее. И не придётся тратить время, слушая уговоры секундантов и чисто формальные попытки убедить нас согласиться на мировую.

– Ах, вот вы о чём! – усмехнулся Франсуа-Анри.

– Кстати, а что вы делали в саду известного нам особняка на улице Пти-Бурбон? Сегодня вечером вас видели, – произнося эти слова, де Лозен разглядывал лицо дю Плесси-Бельера, пытаясь увидеть его глаза, скрытые в тени широких полей его шляпы.

– А вам не доложили о том, что я был вовсе не один? – тонкая улыбка заиграла на губах маркиза, и он тихо рассмеялся.

– Чёрт возьми, Плесси-Бельер! – вскинулся на него де Лозен.

– Ну вот, – спокойно ответил тот. – Значит, не доложили. Как же интересно получается! – в отличие от своего друга дю Плесси-Бельер улыбался веселее прежнего, ведь его забавлял этот маленький розыгрыш чересчур мнительного и ревнивого друга.

– Так и что же вы там делали? – де Лозен закипал уже не на шутку.

– И с кем, друг мой! С кем! Вот о чём вам забыли доложить. Даже как-то обидно за друга. Выходит, что маркиза не заметили из-за его роста? Или из-за его незначительности? Хотя я бы не спешил списывать его со счетов. О нет! Помяните моё слово, очень скоро дамы отдадут ему предпочтение, забыв о нас с вами.

– Маркиз? Какой маркиз? – чуть остыв, спросил де Лозен.

– Виллеруа, – коротко ответил Франсуа-Анри, медленно и аккуратно стягивая узкие перчатки. – Мы с ним заглянули в сад с тем, чтобы передать поклон одной актрисе, хорошо извест-

ной всем нам. Только и всего. Но мы спешили. Так что все поклоны и знаки внимания пришлось передать из сада через окно.

– Так вы не были у неё? То есть вы не заглядывали к ней?

– Не заходили ли мы к ней – это вы хотели узнать? Нет, – спокойно ответил дю Плесси-Бельер и взмахом шляпы отсалютовал гвардейцам, стоявшим в карауле у ворот Лувра.

– А зачем же? Зачем эти поклоны, комплименты через окно?

– Но друг мой, вы совершенно запутали меня, – посмеиваясь, проговорил дю Плесси-Бельер, когда они прошли во внутренний двор. – Так что же, вы были бы рады узнать, что мы с маркизом провели вечер в обществе милейшей мадемуазель Стансы?

– Нет. Не то чтобы... Но я и не говорил, что я против того, чтобы Станса принимала у себя своих друзей, – смутился де Лозен, понимая, что выглядел крайне глупо из-за неуместной ревности.

– В другой раз всенепременно же! А сегодня вечером, к моему глубокому огорчению, у нас с маркизом не было времени.

Дю Плесси-Бельер быстро взбежал по ступенькам парадного крыльца и вошёл в опустевший вестибюль, пробудив гулкое эхо, повторившее звуки его стремительных шагов.

– Ну что же, друг мой! Я иду к моей дорогой крёстной. А вы, я полагаю, в кордегардию? – спросил маркиз, остановившись у входа в коридор, ведущий к приёмной королевы.

– Точно так. Мы встретимся ещё. Позднее! – крикнул де Лозен на прощание, прежде чем свернуть в Большую галерею.

– Добрый вечер, – обронил дю Плесси-Бельер в ответ на формальное приветствие швейцарских гвардейцев, стоявших в карауле на входе в приёмную королевы.

Неторопливой походкой он прошёл к невысокому столику у зеркала, оправленного в золочёную раму. Среди кувшинов с лимонной водой и вазочек с печеньями чуть особняком возвышался графин с вином. Составленные в кружок прозрачные, казавшиеся невесомыми, стеклянные бокалы отпугивали своим видом. Мало кто решался взять их за хрупкие тонкие ножки, а потому все предпочитали пить из обычных, солидных на вид серебряных кубков.

– Вы сегодня припозднились, дорогой маркиз, – заговорила с дю Плесси-Бельером одна из дам.

Она коротала время возле столика с угощениями, чтобы не сидеть со скучающим видом на одной из скамеечек, расставленных вдоль стен. Статс-дамы, занявшие эти не лучшие с точки зрения придворной стратегии места, негромко беседовали между собой, обсуждая последние новости. Они провели долгий вечер в томительном ожидании гофмейстерины двора королевы, которая наконец-то вышла к ним, чтобы объявить о том, что её величество желает всем доброй ночи и изволит отбыть ко сну.

– О, мадам! Я рад встрече с вами! – с вежливой улыбкой ответил на её приветствие дю Плесси-Бельер и поклонился, взяв за кончики пальцев протянутую для поцелуя руку. – Всё в нашем мире относительно, не правда ли? Особенно понятие времени. Вы позволите поухаживать за вами, ваша светлость?

– Да вы хитрец! Так я нужна вам только для отвода глаз, не так ли? – мадам де Наваиль улыбнулась ему в ответ. Всё же внимание молодого Марса льстило ей, и она не скрывала этого. Наклонив голову, она с улыбкой приняла из его рук стеклянный бокал с вином и отпила.

– О, неужели я лишён кредита доверия, мадам? – нотки отчаяния слышались в голосе Франсуа-Анри, но его лукавая улыбка и озорной блеск в глазах говорили обратное. – Я только зашёл на минутку, чтобы заглянуть к моей тётушке. Надеюсь, её светлость примет меня.

– Думаю, что да. Если только королева не задержит её у себя, – пригубив вино, ответила мадам де Навайль. – Не уверена, что речь шла именно о вечере, но когда от королевы прислали за мадам де Ланнуа, то я слышала, как её светлость попросили взять с собой томик «Неистового Роланда». А это, как вы, должно быть, знаете, любимая книга Её величества для чтения на сон грядущий.

– Ах, вот как! – дю Плесси-Бельер понимающе кивнул и сделал несколько глотков. – Похоже, что все последние дни её величество предпочитает ранний отход ко сну. Это ведь не связано с плохим самочувствием?

Серьёзный и полный сочувствия взгляд тут же вызвал лёгкое покраснение на щеках мадам де Навайль. Молодая ещё по меркам двора и совсем недавно представленная в качестве статс-дамы в свиту Анны Австрийской, герцогиня де Навайль была на редкость наблюдательной и здравомыслящей особой. Дю Плесси-Бельер неспроста выбрал в качестве собеседницы именно её из всех дам, которых обычно заставлял в приёмной королевы. И пока ещё брак с герцогом де Навайлем не успел наскучить молодой женщине, маркиз пользовался неограниченной свободой в дружеском, ни к чему не обязывающем общении. Ему не приходилось опасаться, что галантное обхождение и доверительный тон их бесед будут превратно истолкованы.

– Нет, дорогой маркиз. Всё не настолько плохо. Вы можете не опасаться за здоровье Её величества, – ответила мадам де Навайль и посмотрела ему в глаза. – Королева здорова, но предпочитает проводить вечера в компании одной или двух самых близких к ней дам. Это из-за утомления.

– Да, я понимаю, – тихо проговорил дю Плесси-Бельер, не желая быть услышанным другими. – События последних недель действительно кого угодно могут вывести из равновесия.

– Это ещё мягко сказано, – мадам де Навайль наклонила голову, доверительно заглянула в глаза молодого человека и понизила голос до шёпота:

– Я слышала, как сам граф де Сент-Эньян изволил докладывать Её величеству о результатах своих поисков. И представляете, дорогой полковник, граф кричал! – она быстро осмотрелась и повторила ещё тише:

– Граф де Сент-Эньян – само воплощение невозмутимости. Но он сорвался на крик.

– Надо же! – чуть не вскрикнул в свою очередь дю Плесси-Бельер и поднял брови в знак удивления, и его собеседнице оставалось лишь строить догадки, действительно ли он соперничал господину обер-камергеру или же пребывал в легкомысленном настроении, переиначивая всё на шуточный лад?

К ним подошла дама в чёрном вдовьем платье и с вуалью из чёрного кружева, которая была немного приподнята над лицом, оставляя возможность для обозрения её чёрным, зорким глазам.

– Господин полковник, – тон голоса, а ещё больше строгий взгляд дамы мог бы сбить самоуверенность с любого, но дю Плесси-Бельер и бровью не повёл. С неизменной улыбкой на губах он ответил ей вежливым поклоном:

– Мадам де Моттвиль! Я безмерно счастлив видеть вас.

– Вы желаете получить аудиенцию у Её величества или будете дожидаться, когда освободится мадам де Ланнуа? – сухим тоном осведомилась де Моттвиль, не оставляя никакого пространства для манёвров ловкого в обращении с дамами кавалера.

– Я буду признателен вам, мадам, если вы доложите обо мне. И если Её величеству будет угодно принять меня, то я буду счастлив засвидетельствовать свою преданность ей лично.

– Ожидайте, сударь, – холодность в тоне мадам де Моттвиль была вымораживающей, но маркиз только наклонил голову в знак благодарности и улыбнулся уже ей вслед.

– Кажется, теперь вам не избежать разговора с королевой, дорогой полковник, – поделилась выводом мадам де Навайль, с интересом наблюдавшая, как легко и непринуждённо молодой полковник обменялся репликами с самой строгой из статс-дам двора Анны Австрийской.

– Что ж, я не стану избегать аудиенции у Её величества. Хотя признаюсь, мне бы не хотелось прерывать нашу беседу.

Обхождение и манеры красавца полковника могли бы впечатлить сердце и более строгой особы. А перед ним была привлекательная и не до конца ещё уверенная в себе молодая женщина, которая только благодаря положению своего супруга получила высокий пост в свите королевы. Чувство превосходства, которое было заслужено умением делать выводы из того, что она слышала и замечала, служило ей надёжной бронёй от шарма и уловок любителей играть на впечатлительности женской натуры, но не таких галантных кавалеров, как дю Плесси-Бельер. С ним ей было не только интересно и любопытно, но более того – его внимание и непринуждённое галантное обхождение льстили её тщеславию, которое она хорошо маскировала под напускным безразличием.

Однако надолго увлечься доверительным обменом мнений собеседникам не позволили. Их отвлекли молодые статс-дамы и фрейлины, которые подошли к столику с напитками, непрестанно обращая в сторону молодого полковника кокетливые взгляды.

– Лучше вам было попросить королеву о немедленной аудиенции, дорогой маркиз, – с долей ехидства произнесла герцогиня и тут же скрыла усмешку за бокалом.

– Ничего страшного! Мы выдержим этот натиск вместе. Ведь вы не боитесь досужих сплетен и расспросов, дорогая герцогиня? – в тон ей проговорил дю Плесси-Бельер и обратил откровенно изучающий взгляд на зардевшихся ярким румянцем девушек.

– Если всё перечисленное не ставит под сомнение честь Её величества или моего супруга, – мадам де Навайль прищурилась и наградила любопытствующих особ колючим взглядом.

Звонящий и всепроникающий, как ручей во время весеннего половодья, гомон женских голосов мгновенно утих, когда в дверях покоев королевы показалась ещё одна дама в чёрном платье.

Строгое лицо герцогини де Ланнуа немного смягчилось при виде красивого молодого человека, окружённого пёстрой стайкой молодых особ. Ограничившись короткими кивками в ответ на почтительные поклоны, она направилась к двери своей комнаты. Предоставленные самим себе, дамы двора Её величества тут же увлеклись новой темой для пересудов, главным образом обсуждая значение столь краткого приветствия. Послышались несмелые догадки о том, что происходило в последние дни в покоях королевы и её свиты, а также о событиях прошедшего дня и – уже совсем тихо, даже шёпотом – о грядущей полуночи.

– Нет-нет, смысл всего этого вовсе не в полуночи! – со знанием дела прервала назревающий спор мадам Мари-Клер де Бофремон, первая статс-дама королевы, и бросила испытующий взгляд в сторону дю Плесси-Бельера.

Сам же маркиз с задумчивым видом рассматривал камень, вправленный в перстень, который украшал мизинец его левой руки. Он поворачивал перед собой сжатую в кулак руку, разглядывая на свет грани бриллианта безупречной чистоты, в которых вспыхивали яркие искорки отражений нескольких десятков свечей огромной люстры.

– Но в чём же тогда? – посыпались вопросы со всех сторон. – Разве стрелки часов не останавливаются в полночь? Расскажите же! Расскажите нам обо всём, мадам!

– Дело вовсе не в полуночи, дамы! Всё происходит за три часа до рассвета, – многозначительно прошептала мадам де Бофремон и бросила ещё один взгляд в сторону маркиза. Тот не выказывал видимого интереса к предмету обсуждения, и она договорила, уже не опасаясь того, что её слова будут подняты на смех, а сама она станет предметом для шуток:

– Это произойдёт в четыре часа утра. Я давно заметила, что стрелки всех часов замерли ровно на отметке четыре.

– Час Купидона! – восхищённые романтическим флёром этой догадки воскликнули слушательницы.

– Да, но некоторые часы был обнаружены остановившимися днём, а не ночью, моя дорогая, – поправила её герцогиня де Креки.

Теперь со всех сторон посыпались новые предположения о том, что мог означать выбор именно этого часа. Кто-то напомнил о том, что по древним поверьям этот час был связан со временем, когда над всеми людскими побуждениями правил бог любви, и тем самым не позволил разгореться спору.

– Господин маркиз! Её светлость примет вас, – услышал дю Плесси-Бельер у себя за спиной и, обернувшись, увидел девушку лет двадцати в скромном платье, единственным украшением которого была тонкая полоска фламандского кружева поверх белого отложного воротничка.

– О, мадемуазель Элоиза! Примите мои комплименты. Вы как никогда очаровательны сегодня, – маркиз улыбнулся и подал руку молодой девушке – воспитаннице герцогини де Ланнуа. – Прошу вас, мадемуазель! Ведите же меня!

Тихонько прикрыв за собой дверь, Франсуа-Анри мягкой походкой прошёл через всю комнату к уютному креслу возле камина и наклонился к подлокотнику, на котором покоилась тонкая рука хозяйки покоев.

– Я не ждала увидеть вас в столь поздний час, дорогой маркиз. Такое экстраординарное явление! Должно быть, и причины тому тоже необычны? Не так ли, мой дорогой? – герцогиня указала на стул напротив себя.

– Я благодарю вас за то, что вы согласились принять меня, дорогая крёстная!

Повинуясь приглашающему жесту, Франсуа-Анри повесил шляпу и плащ на крючок у двери, снял с перевязи шпагу и поставил её возле камина. После этого он сел на стул и откинулся на мягкую спинку, приняв расслабленную, но не выходящую за рамки почтительности позу.

– Вам следовало бы проявить больше усердия, мой дорогой. Я имею в виду ваши старания в ухаживании за дамами. Ваше появление в приёмной Её величества всякий раз вызывает переполох. Но ещё больший хаос начинается после вашего ухода, – в голосе мадам де Ланнуа звучали строгие нотки упрёка:

– Можете не сомневаться, мой дорогой, всех дам интересуют вовсе не остановившиеся стрелки часов. И даже не скандальные кражи в комнатах фрейлин королев.

– Так может быть это и к лучшему? – попробовал отшутиться Франсуа-Анри, тут же заслужив осуждающий взгляд герцогини.

– Нет, не лучше. Если кто-нибудь из дам, хотя и случайно, но по глупости выскажет подозрение в том, что вы появляетесь здесь только ради встречи со мной, то новых сплетен и пересудов вам не избежать. И всё это неминуемо породит новые кривотолки. И главным образом, мой дорогой, это будет касаться вас и вашей роли в этих событиях. Тогда о соблюдении тайны, даже толики секретности и говорить не придётся.

Взгляд её упал на шпагу, прислонённую к каминной решётке. Она чуть наклонила голову и, смягчившись, с улыбкой, добавила ко всему только что сказанному:

– Я вижу, что вам дозволяется входить в приёмные короля и королевы при шпаге. Вам ведь известно, почему, мой дорогой?

– Меня всё ещё не сняли с должности полномочного гонца Его величества к главнокомандующему королевскими войсками в Италии, не так ли, тётушка? – пристально глядя в лицо крёстной, высказал предположение Франсуа-Анри. Он обратил к герцогине вопросительный взгляд и сложил кончики пальцев перед собой, всем видом показывая, что ждёт пояснений.

– Да, это так, – кивнула мадам де Ланнуа. – Но очень скоро вы узнаете, что к этим полномочиям добавятся и новые. Вместе с вашей новой должностью и новыми обязанностями.

– Должность? Так меня ждёт вовсе не повышение по службе?

Наигранное безразличие молодого человека не обмануло проницательного взгляда герцогини. Склонив голову на бок, она с лёгкой улыбкой, но, как можно более строгим тоном, произнесла:

– Придворная должность – это почесть куда более значимая, нежели новый чин в королевской армии, мой дорогой. Тем более, что эта должность предполагает и повышение в чине. Это само собой разумеется. Но полноте! Довольно говорить на эту тему. Я не люблю интриговать собеседников попусту.

– О, дорогая тётушка! Именно это у вас получается лучше всего! – пожурил её Франсуа-Анри и с улыбкой наклонил голову в знак смиренного внимания. – Я страшно заинтригован!

– Полно, вам, Анри! Лучше расскажите, с чем пожаловали. Её величество отпустила меня, но с условием, что я вернусь к ней с новостями. Итак?

– Мне жаль, что я прервал ваши вечерние чтения у королевы, – потупив глаза, проговорил дю Плесси-Бельер.

– Тем более, – тоном, не терпящим возражений, герцогиня на корню пресекла извинения и нетерпеливо помахала вошедшей в комнату служанке:

– Сюда, Мари! Оставьте всё на столе и можете быть свободны. Я сама поухаживаю за моим крестником.

Отправив служанку отдыхать, мадам де Ланнуа с ловкостью, обрётённой за многие годы практики, сама разлила ароматный горячий напиток в миниатюрные чашки из белого фарфора.

– Итак? – повторила она, подав одну чашку маркизу.

Тот блаженно прикрыл глаза и вдохнул бодрящий аромат напитка. Он сделал небольшой глоток, немного подождал, прежде чем повторить, и только после этого открыл глаза и посмотрел в лицо мадам де Ланнуа.

– Итак, – мягкий баритон звучал таинственно и интригующе. – Есть кое-что, о чём я хотел бы попросить вас, дорогая тётушка.

– Безоговорочно, не так ли? Без объяснений и вопросов? – тут же уточнила мадам де Ланнуа. Вернувшись в своё кресло, она принялась неторопливо пить отвар, бережно удерживая двумя руками фарфоровую чашечку и блюдце вместе с ней.

– Нет, отчего же! Объяснения будут, – усмехнулся в ответ на это проницательное замечание дю Плесси-Бельер. – Но, с вашего позволения, мадам, я не стану забежать вперёд. Дело в том, что ваше участие может и не потребоваться вовсе. И я бы хотел...

– И вы хотели бы сохранить свой секрет, мой дорогой?

– Насколько это возможно. Хотя, полагаю, в моих интересах и в интересах лиц, замешанных в этом деле, необходимо посвятить вас во все подробности, – проговорил Франсуа-Анри, после чего умолк, чтобы сделать несколько глотков бодрящего отвара.

– Возможно, – кивнула мадам де Ланнуа. – И вы удивитесь, мой дорогой, сколь мало тайн можно сохранить во дворце, если не проявлять должную осмотрительность.

– И всё же, секрет этого дела пока не раскрыт, – улыбнулся маркиз, продолжая отпивать медленными глотками отвар, при этом не переставая в упор смотреть на герцогиню, наблюдая за переменами в выражении её лица.

– Так и что же от меня ожидается? – спросила она после некоторого раздумья, мягкой улыбкой дав понять, что готова согласиться на поставленное условие.

– Сегодня ночью, ближе к утру, в приёмной королевы может появиться человек, – заговорил маркиз. – И ему будет необходима ваша помощь, чтобы спастись от преследователей.

– Вот как? Довольно странное место для поиска убежища, – произнесла мадам де Ланнуа. – Как и время. Это произойдёт в час Купидона, если я правильно понимаю?

– Да. Именно так. Час Купидона, – кивнул Франсуа-Анри и озорно прищурился с видом нашкодившего мальчишки. – И да, это касается шалостей с часами, которые так будоражат воображение придворных и дворцовой прислуги.

– Шалости? Ох, мой дорогой, не заставляйте меня подумать, что вы каким-то образом причастны к этим безобразиям! – строго осаждала крестника мадам де Ланнуа. – Эти, как вы изволите выразиться – шалости – навели немалый переполох во дворце! Из-за этого был сорван Королевский Совет. И не единожды.

– Уверю вас, дорогая тётушка, это не более, чем шалости. И кстати, они совсем не связаны с кражами, – улыбнулся маркиз.

– Вы уверены? – с подозрением посмотрела на него герцогиня. – Вы ведь знаете это наверняка?

– Абсолютно! – и Франсуа-Анри поднял руку в клятвенном жесте. – И я даю слово, что после этой ночи шалости больше не повторятся.

– То есть вы готовы дать слово, что разберётесь с этим делом окончательно? И вы дадите отчёт об этом деле королеве и кардиналу?

– Вот по этому поводу, – маркиз опустил глаза и заговорил менее уверенно. – Об этом мне нужно поговорить с вами. Я прошу принять меня завтра прежде, чем вы отправитесь с утренним докладом к Её величеству.

– Ох уж эти ваши тайны, Анрио! – покачала головой мадам де Ланнуа. – Остерегайтесь скрывать в отношениях с теми, кто любит вас, мой дорогой. Мне вы можете доверять всецело.

– О, тётушка! – упавшим голосом воскликнул он, и по блеску в синих глазах было видно, что слова крёстной глубоко задели его.

– Хорошо, хорошо, вы можете быть спокойны. Я помогу вам. Кто бы это ни оказался, я проведу этого человека в свою комнату и помогу выйти из апартаментов королевы по тайному коридору.

– Лучше позвольте переждать, пока не окончится переполох, – попросил маркиз, приложив обе ладони к груди в знак смиренной просьбы. – Как знать, может быть мне самому не придётся ничего объяснять, а этот человек сам пожелает открыться вам, тётушка.

– Даже так? – сухо переспросила мадам де Ланнуа. – И я, конечно же, ничем не рискую? Полагаю, что вы не позволили бы жестокому головорезу воспользоваться вашим доверием и моей помощью?

– О нет! Никогда! – с горячностью заверил её Франсуа-Анри. – Но если вы пожелаете, то я могу остаться у вас. Моё присутствие оградит вас от всяческих опасностей, уверю вас!

– О нет, дорогой мой! Это излишне, – усмехнулась герцогиня и красноречиво посмотрела на дверь. – Тем самым вы подарите величайший повод для сплетен, дорогой мой. Ни одна из тех дам, ждущих вашего выхода, не уснёт в эту ночь из-за терзаний от любопытства: ради кого из них вы сделали вид, что остались на всю ночь в моих покоях. Опасаюсь, что это сорвёт ваш блестящий план, месье стратег.

– Да, – рассмеялся дю Плесси-Бельер. – Кажется, я не принял во внимание великую силу любопытства.

– Женского любопытства, мой дорогой! – уточнила мадам де Ланнуа и подалась вперёд. – Я сделаю всё, как вы просите. Но, возможно, есть смысл в том, чтобы вы присутствовали при этом моём, хм, «свидании» с неизвестным.

Герцогиня встала и прошла в угол комнаты, где высилась декоративная колонна с вазой, в которой стоял букет из свежих цветов, доставленный из дворцовой Оранжереи. Её светлость

указала на деревянную раму картины, висевшей в глубокой нише между колоннами, не привлекая к себе постороннего интереса.

– Вот здесь скрыта дверь в потайной коридор. Я уже открывала вам его на днях, – она надавила двумя пальцами на потускневшую от времени золочёную раму, и картина с портретом всадницы на вороном коне отъехала внутрь, открывая проход в темноту. – Если пройти отсюда и направо, то вы попадёте в покои королевы. А коридор налево выведет вас к другим потайным коридорам. Путь вы помните, отсюда можно попасть в Большую приёмную. Вам уже известен вход с той стороны. Да и не только вам, я полагаю. Не забывайте следить за знаками, вырезанными на стене, мой дорогой. Сюда вас приведет голубка, – и мадам де Ланнуа показала пальцем на знак летящей птицы. – Вот так. Всё просто, когда знаешь что искать. По этому коридору я выпущу этого человека. Дезуш и его гвардейцы никогда не догадаются о том, где его искать.

– Да, это так, – прошептал дю Плесси-Бельер.

– Будьте у меня не позднее часа Купидона, – герцогиня нажала на то же место в раме, и картина медленно передвинулась, заняв прежнее место. – Воспользуйтесь входом из Большой приёмной. И ради всего святого, не пропустите этот знак голубки над входом. Мне будет крайне трудно уладить скандал, если посреди ночи вы ненароком ворвётесь в личные покои королевы. И не появляйтесь раньше назначенного часа, мой дорогой! В последнее время я плохо сплю, так что я хотела бы выспаться до вашего визита. И до появления нашего неизвестного шалуна, кем бы он ни был.

Она с улыбкой приняла галантный поклон крестника и протянула руку для поцелуя на прощание. Дождавшись, когда Франсуа-Анри прицепил шпагу к перевязи, надел плащ и шляпу, мадам де Ланнуа осенила его благословением и сама проводила до двери. Как она и предполагала, никто из статс-дам и фрейлин королевы не покинули приёмную. Под тем или иным предлогом они задержались, чтобы собственными глазами увидеть, как молодой красавец покидает покои герцогини де Ланнуа. Таинственный шёпот и лёгкие смешинки сопровождали выход галантного кавалера из приёмной, тогда как его крёстная одобрительно улыбалась, слыша в разговорах отголоски новых придворных сплетен, которые разлетятся во дворце со скоростью ветра.

Глава 1. Завтрак с пристрастием

Четыре часа утра. Лувр. Комната герцогини де Ланнуа

– Сюда! Сюда, месье!

Было до крайности странно приглашать к себе в комнату незнакомца, да ещё и посреди глубокой ночи. В оправдание столь неординарного поступка со стороны первой статс-дамы Её величества можно привести только обещание, которое она дала дорогому крестнику. Мадам де Ланнуа не умела отказывать милому Анрию, хотя всячески старалась выказать самое суровое отношение к молодому человеку на людях, никогда не проявляя к нему видимого снисхождения. Но при личных встречах с крестником вся решимость любящей тётушки и крёстной матери таяла под убедительным и проникновенным взглядом синих глаз дорого Франсуа-Анри! И ко всему прочему, взамен маркиз дал её светлости клятвенное обещание, что, начиная с этой самой ночи, преступные шалости часового вора прекратятся раз и навсегда.

– Сюда, месье! – повторила мадам де Ланнуа, уже и сама веря в правильность того, что намеревалась сделать: укрыть незваного ночного гостя, проникшего в покои королевы, и помочь сбежать.

Со стороны Большой галереи слышалось гулкое эхо топота бегущих ног, грохот амуниции и громкие голоса. С минуты на минуту поднятые по тревоге гвардейцы и стоявшие в карауле швейцарцы, могли появиться в приёмной королевы. А значит, ей следовало поспешить и незамедлительно спрятать незнакомца в своей комнате.

Конечно же, комната мадам де Ланнуа, которую герцогиня делила с компаньонкой – мадемуазель Элоизой Шанье – не могла претендовать на то, чтобы называться идеальным укрытием для беглеца в случае, если бы гвардейцам вздумалось устроить обыск во всех дворцовых покоех. И к тому же герцогиня остерегалась впутывать мадемуазель Шанье в опасное для её репутации дело. Но, как назло, в комнате, которую по приказу королевы предоставили в пользование мадемуазель Шанье, в одну злополучную ночь вторглись воры, а вслед за ними и гвардейцы, устроившие за ними погоню. Они-то и устроили такой погром, что потребовалось произвести ремонт, который начали и не успели завершить. Поэтому Элоиза Шанье снова поселилась в комнате герцогини де Ланнуа, и в эту ночь её светлости пришлось отправить девушку спать в комнату своей камеристки – мадемуазель Мари. Так что, именно в ту ночь герцогиня осталась в своей комнате одна. И, дожидаясь появления незнакомца, о котором её предупредил дю Плесси-Бельер, она коротала время за вязанием, поскольку уснуть в ту ночь было немислимо.

Переодевшись в ночную сорочку, она надела плотный шлафрок длиной до пят, распустила причёску и надела на голову пышный ночной чепец с тем, чтобы не вызвать ни малейших сомнений в том, что её разбудили во время крепкого сна в случае, если гвардейцы вздумают поднять всех обитателей апартаментов свиты королевы.

– Входите же, месье! Сюда! И бога ради, позвольте мне помочь вам! Не пытайтесь сбежать. Из моей комнаты для вас есть только три выхода. Два из них моментально приведут вас к караульным. Третий поможет вам спастись. Но это не раньше, чем я пойму, кто вы такой? Что вы делали в приёмной Её величества в этот час?

Это прозвучало довольно сурово, и, судя по поникшим плечам и опущенной голове незнакомца, достаточно внушительно.

– И незнакомец ли? – прошептала, обращаясь уже к самой себе мадам де Ланнуа, и вгляделась в лицо своего ночного гостя, скрытое под густыми выющимися волосами, упавшими на лоб и глаза. – Такой ли уж незнакомец! Кто вы, месье?

При свете трёх свечей в канделябре, который стоял на её прикроватном столике, и огня в камине облик этого человека показался ей знакомым. Во-первых, весьма примечательный

рост – всего несколько сантиметров отличали его от карликов, но в осанке и особенно же в том, как он понурил голову, было что-то детское, мальчишеское, если сказать точнее. Во-вторых, сжатые в кулачки руки были по-детски пухлыми и маленькими. Мадам де Ланнуа заметила тусклый блеск песчинок в одной руке – это было похоже не то на песок, не то на золотую пыль, которую применяли при золочении. И, в-третьих, самое важное – голос незнакомца! Стоило ему всхлипнуть в попытке подавить невольно выступавшие на глаза слёзы отчаяния из-за постигшей его опасности, и сомнений в том, кто стоял перед ней, более не оставалось!

– Не такой уж незнакомец, как я погляжу, – покачала головой герцогиня и, взяв двумя пальцами за подбородок, подняла голову мальчика повыше, чтобы заглянуть в его глаза. – Месье маркиз!

– Мадам, – вздохнул Виллеруа и понурил голову, пряча глаза от строгого взгляда герцогини.

– Вот так открытие! Я и предположить не могла, – по-доброму усмехнулась она и указала гостю на стул напротив её кресла.

Тот с минуту нерешительно топтался на месте, но мадам де Ланнуа было не до того. Из приёмной слышались голоса, и она поспешила к двери, на ходу ещё плотнее запахивая на себе длинный шлафрок.

– Господа! – приглушённым шёпотом обратилась она к гвардейцам, которые потревожили покой в апартаментах свиты королевы в столь поздний час. – Что всё это значит, господа? Могу ли я узнать, с чьего позволения вы ворвались сюда?

– Мадам, я крайне сожалею, – при звуке этого голоса мальчик, остававшийся в комнате у неё за спиной, сжался, закутавшись в плащ из грубого сукна. – Мы были вынуждены, мадам. У нас есть основания полагать, что часовой вор проник в покои королевы.

– Он здесь? – герцогиня даже вышла за дверь, как будто проявляя интерес к происходящему. – И где же он? Я вижу только ваших людей, сержант!

– Мадам, вор где-то здесь. Он спрятался, но мы его сейчас же отыщем, – прогундосил Дезуш, и его голос удалился вглубь зала. – Здесь есть выход в потайной коридор. Я думаю, что он воспользовался им.

– Безобразие! Господа, известно ли вам, который час? – это гневное восклицание раздалось с другой стороны приёмной.

– А, мадам де Навайль! – тут же позвала её герцогиня. – Вы сегодня дежурите в спальне Её величества?

– Да. И королева была крайне удивлена этим шумом. И почему, спрашивается, отменили пажеский караул в приёмной? – откликнулась мадам де Навайль, подняв свечу повыше, чтобы рассмотреть лица вторгшихся гвардейцев.

– О, с этим вопросом не ко мне, моя дорогая, а к этим господам! – подсказала мадам де Ланнуа. – Кажется, это была идея герцога де Грамона. Не так ли, ваша светлость?

– Мадам, мне очень жаль, – названный герцогиней виновник тут же дал о себе знать, и прозвучавшая ирония в низком баритоне его голоса вызвала лёгкую улыбку у мадам де Навайль.

– Дорогой герцог, это вы? – поспешно заправив выбившиеся из-под ночного чепца локоны, заговорила она. – Уверена, что у вас есть всему этому простое объяснение. Скажите же, бога ради, в чём дело, чтобы я могла успокоить её величество!

– Дело в том, дорогая герцогиня, что мы решили поймать ночного вора. Как это называется у охотников? На приманку, – де Грамон объяснял тонкости своего плана столь непринуждённо, словно эта беседа происходила в салоне его дражайшей супруги и, к тому же при свете дня.

– Поясните, герцог, я прошу вас! – присоединилась к этой милой беседе мадам де Ланнуа. – Мы все в полном неведении.

Послышались шаги ещё нескольких человек, вбежавших в приёмную. Они пронеслись мимо двери комнаты герцогини и затихли в противоположном конце зала – там, где находилась дверь в потайной коридор.

– Так вот, милые дамы, – продолжал герцог. – Эти напольные часы – последние из всех значительных часов, какие есть в Лувре. Последние, я имею ввиду из работающих. Так вот, я решил, что ночной вор заинтересуется ими. Особенно же в ту самую ночь, когда отменили пажеский караул. И вот! – послышались шаги, тихий шорох и глухое ворчание. – Да. Так и есть. Он был здесь! – тихие ругательства сменились яростным восклицанием. – Но, чёрт возьми, как? Дезуш!

– Что такое, герцог? – в голосе мадам де Навайль послышались истерические нотки.

– Часы! Они стоят. Их остановили! – отозвался де Грамон.

– Доннер веттер! – пробубнил Дезуш, вернувшись из потайного коридора. – Его уже нет там. Он успел пройти по потайному коридору и скрыться до того, как в Большой приёмной появились гвардейцы.

– Вот как? – суровый тон мадам де Ланнуа заставил мальчика, прятавшегося в её комнате, сжаться и почувствовать, как ледяной холод сковал его изнутри.

– Увы, мадам! – понуро ответил де Грамон. – Вам придётся сообщить Её величеству неутешительные известия. Вору удалось остановить часы и скрыться.

– Можно только позавидовать удачливости этого человека, кто бы он ни был, – проговорила мадам де Ланнуа. – Однако уже поздно, господа! Если вы закончили осмотр, то я прошу вас немедленно покинуть зал. Мадам де Навайль передаст королеве, что вы сделали всё возможное. Не так ли?

– О мадам! Я прошу вас передать Её величеству, что мне очень жаль, – посетовал де Грамон, а его спутники, по-видимому, и вовсе не решались открыть рты после очередного фиаско.

– Доброй ночи, герцог! – с достоинством отозвались на это обе дамы, и мадам де Ланнуа скрылась в своей комнате, бесшумно затворив за собой дверь, тогда как мадам де Навайль вернулась в покои королевы.

Постояв некоторое время у двери, мадам де Ланнуа внимательно прислушивалась к шагам и голосам мужчин, которые не спешили уходить из приёмной. Наконец, когда до её слуха донёлся характерный звук запираемых створок входных дверей, герцогиня повернулась и отошла к камину. Она достала длинную кочергу с отлитой из бронзы фигурной ручкой и поворошила поленья, не успевшие догореть за ночь. После того, как огонь весело затрещал, осветив ярким светом всю комнату, мадам де Ланнуа подошла к столику, на котором стояли блюдо, накрытое льняной салфеткой, три кружки и кувшин.

– Полагаю, что ваш рассказ будет долгим, сударь, – заговорила она с гостем, тем временем разливая вино, разбавленное с водой и приправленное специями, из кувшина в три кружки. – Лёгкий перекус с подогретым вином не повредит. Я жду ещё одного гостя. Не бойтесь, его не следует опасаться. И я не намерена звать ни герцога де Грамона, ни тем более сержанта Дезуша с его недотёпами гвардейцами.

– Спасибо, – только и выдавил из себя застигнутый врасплох часовой вор и сел на предложенный ему стул.

– Я пообещала моему крестнику, что помогу вам. Но взамен я жду объяснений, – строго сказала мадам де Ланнуа. – Надеюсь, что я заслуживаю хотя бы толику правды по поводу всего происходящего?

– Это очень долгая история, – неохотно проговорил мальчик, подтянув ноги до самого подбородка, и обхватил колени.

– У нас достаточно времени до утра, молодой человек. Если вы начнёте прямо сейчас же, то вполне успеете. А потом я отпущу вас через потайной коридор, о котором люди Дезуша не знают.

Со стороны декоративной колонны в дальнем углу комнаты послышался шорох и тихий скрип отворяемой двери.

– Надеюсь, дорогая крёстная, вы не начали без меня? – раздался весёлый голос, и Франсуа с радостным любопытством повернул голову.

На пороге двери, замаскированной под огромную картину в массивной золочёной раме, показался маркиз дю Плесси-Бельер.

– Входите, дорогой мой! А то я уже начала сомневаться, появитесь ли вы у меня этим утром!

– Дворец гудит как опрокинутый улей, – веселье в голосе дю Плесси-Бельера тут же передалось и ночному гостю мадам герцогини. Мальчик тихо рассмеялся и нерешительно поднял голову над коленями.

– А, маркиз! Я рад, что вы согласились подождать. Если бы вы попытались скрыться через другой выход, то попались бы прямоком к гвардейцам капитана де Варда. Не смотря на то, что сам капитан оказался слишком занят нынешней ночью, – дю Плесси-Бельер с заговорщическим видом подмигнул маркизу и взял для себя табурет. – Да, ну и ночка!

– Надеюсь, мы получим обещанные объяснения, – прервала это веселье герцогиня и поставила кружки, а также два блюда с закусками и булочками на столике у камина.

– Ну что же, маркиз, – полковник посмотрел на Виллеруа. – Не подведите меня. Я заочно дал её светлости обещание, что вы посвятите нас в вашу тайну. На этом условии она согласилась помочь нам. Я уверяю вас, друг мой, всё, о чём вы расскажете сейчас в этой комнате, останется только между нами. Мы не выдадим вас. Никому.

– Даже самой королеве? – Виллеруа посмотрел на мадам де Ланнуа и тут же быстро опустил глаза вниз.

– Нет, если вам нужно моё слово, то я повторю за маркизом – никому. Но отчего вы не спросите о короле? Или Его величеству всё известно? – строго посмотрела на него мадам де Ланнуа.

– Нет. То есть да, – выдохнул Франсуа. – Но Его величество не делал этого! Я клянусь – это всё я. Один.

– Хорошо, месье, – мадам де Ланнуа села в кресло и жестом успокоила маркиза. – Я всё поняла. Можете не упоминать о короле. Если Его величество и замешан в этой истории, то, судя по всему, вы готовы взять всю вину на себя.

– Но король действительно не замешан в этом, мадам! – с отчаяньем на лице повторил маркиз. – Но он догадался обо всём. И он дал мне слово, что никому не расскажет.

– А, понимаю, – мадам де Ланнуа улыбнулась и кивнула ему. – Съешьте что-нибудь, маркиз. Вы должно быть страшно голодны. Все эти переживания! Они способны лишить аппетита человека в возрасте. Но в ваши годы такие приключения пробуждают невероятное чувство голода. Вам ли не знать! Не так ли, мой дорогой полковник? – в её прищуренных глазах блеснул весёлый огонёк. – И будьте добры, начинайте ваш рассказ. Я готова признаться, что сгораю от любопытства, как юная дебютантка.

На какое-то время в комнате воцарилась тишина, которую нарушало только тихое потрескивание поленьев, горевших в камине, и нечаянный стук кружек, когда их расставляли на столе. Наконец глубокий вздох одного гостя и облегчённый выдох другого оповестили задре-

мавшую в своём кресле хозяйку комнаты о том, что её собеседники были готовы продолжить беседу.

Мадам де Ланнуа не спешила повторять свои вопросы. Напротив, несмотря на недавнее её любопытство, внешне она выглядела совершенно спокойной. Расправив складки шлафрока на коленях, она взяла кружку и неторопливо пила по маленькому глотку, время от времени отвлекаясь на то, чтобы подлить вина в кружки обоим гостям.

– Ну что же, Франсуа? – дю Плесси-Бельер ободряюще кивнул ему. – Мы готовы услышать вашу историю. Не так ли, мадам?

– Всеми своё время, дорогой мой, – отозвалась герцогиня и придвинула к Франсуа корзинку с булочками.

Тот не раздумывая взял первую попавшую булочку с румяным бочком и надкусил её. Ответив застенчивой улыбкой на вопросительный взгляд дю Плесси-Бельера, Франсуа медленно прожевал, отхлебнул из кружки и вытер ладонью капельки вина с губ. Смущённый из-за лёгкой усмешки в глазах друга, он обратил извиняющуюся улыбку к мадам де Ланнуа, и она в ответ с тёплой, полной снисходительности улыбкой протянула ему салфетку.

– В общем, всё началось недавно. Я стоял на посту в карауле в приёмной Её величества. Тогда что-то такое происходило важное, потому что сам кардинал, герцог де Невиль и герцог де Грамон явились к королеве лично. Ну, то есть, – он густо покраснел. – Я не слышал, о чём они говорили. Да я и не слушал. Никогда. Но когда они выходили из покоев королевы, вот тогда я всё понял. Что-то очень важное тревожило моего отца.

– Поняли? Вот как, – кивнула мадам де Ланнуа.

– Да. Он говорил о времени. Вот если бы у него было больше времени, вот если бы он мог остановить его. Хотя бы на день.

– Кого остановить? – переспросил дю Плесси-Бельер, но мадам де Ланнуа мягко похлопала ладонью по подлокотнику.

– Время, конечно же, – тихо подсказала она и снова кивнула Виллеруа, чтобы тот продолжал историю.

Франсуа доверил герцогине то, о чём не посмел рассказать даже королю, своему другу, и вообще никому. Отчасти из опасений, что его отец разочаруется в нём и будет несчастным из-за того, что не остаётся другого наследника де Невилей. Кузены и многочисленная родня в расчёт не бралась, так как сам герцог не раз объявлял в присутствии маркиза и других, что готов признать своим наследником только собственную плоть и кровь. «Кровь гуще всех прочих уз, мой мальчик,» – говорил он, и эти слова, пугающие и безапелляционные, врезались в памяти маркиза, сделав его судьбу безысходностью. С самого рождения он стал узником прав и обязанностей, которые накладывало наследие чести, славы, положения и почётных титулов его семьи.

Пока Виллеруа объяснял причины своих поступков, Франсуа-Анри положил ногу на ногу, опёрся локтём о подлокотник и устроил щеку на ладони. Сон, беспощадно атаковавший его всё время до того, отступил, как только Франсуа перешёл в своём повествовании к главным событиям. Наконец-то голова маркиза работала столь же ясно, как если бы он выпался за трое суток кряду. Страхи, которыми поделился Виллеруа, были понятны Франсуа-Анри лишь отчасти. Ведь ему – младшему сыну – не приходилось нести на своих плечах бремя продолжателя славной традиции, чести и гордости древнего рода де Руже, в том числе и необходимость жениться, чтобы обеспечить семью наследниками вопреки своим личным предпочтениям. Другое дело – его старшие братья. Теперь, когда после гибели старшего брата, Арман сделался наследником титула, имени, фамильной чести и всего прочего, всё это накладывало на него те самые обязанности, о которых с таким страхом говорил Франсуа. А самый большой кошмар в жизни юного маркиза состоял в том, что в случае кончины герцога де Невилья ему придётся сделаться им же – следующим герцогом де Невилем. В понимании маль-

чика это означало конец беззаботной жизни, крах всех мечтаний и вечное заточение в стенах дворца на всё время, пока он сам не передаст титул и все сопутствующие тому обязанности следующему на очереди наследнику, то есть до самой смерти.

– М-да, нерадостная перспектива, – проговорил в ладонь дю Плесси-Бельер, но не стал прерывать маркиза, тогда как тот перешёл от причин и целей к методам.

Мадам де Ланнуа лишь изредка кивала ему, в основном в те моменты коротких пауз, когда Франсуа собирался с духом и набирался смелости, чтобы продолжить своеобразную исповедь. Её поощряющее внимание помогало ему не сбиться. Он вспомнил о ночных посиделках у камина в Большом зале в Тюильри и пересказал старую легенду о «Песке времени» и о странном, но действенном ритуале, с помощью которого можно сделаться господином времени. И тогда он объяснил, как у него родилась идея захватить время и остановить его ради своего отца. Вскоре эта навязчивая идея вместе с горячей мечтой освободиться от необходимости занять место герцога переросла в наваждение. Он не переставал думать о легенде, и вдруг возможность выполнить необходимый ритуал подвернулась в тот день, когда он случайно познакомился с мальчиком его лет – внуком ювелира, которого пригласили в Лувр для починки великолепных часов Купидона.

Дойдя до этого момента в своём рассказе, Виллеруа замялся и посмотрел на полковника. Тот понял причину этой паузы и, оторвавшись от созерцания игры бликов огня на гранях своего перстня, спокойно ответил на незаданный вопрос:

– Вы можете быть совершенно спокойны, маркиз. Нам не нужны ничьи имена. И никто не понесёт наказание за ваши поступки. Я даю вам слово.

Коротко выдохнув, маркиз отхлебнул глоток побольше и продолжил рассказ. Поведав о том, как мэтр Морани, чьё имя он всё-таки не называл, показал ему как открывается механизм на задней стороне часов и объяснил принципы его работы, Франсуа изложил герцогине и полковнику суть своего плана.

– Поразительно, – впервые за всё время произнесла мадам де Ланнуа, но тут же сомкнула губы и коротко улыбнулась, поощряя маркиза продолжить рассказ.

– Да. Вот так всё и было. Нужно было остановить часы. Всего двенадцать часов. Во дворце. Я выбрал самые важные и главные часы. Конечно, можно было остановить часы на Ратуше, но это городские часы. А в Лувре – это королевские часы. Понимаете? Это вся Франция, а не Париж, – пояснил Франсуа, а его слушатели молча переглянулись.

– А почему всё-таки «Час Купидона»? – наконец спросил дю Плесси-Бельер, которого, по-видимому, давно мучил именно этот вопрос.

– Это случайность, – вздохнул Франсуа. – Меня поставили в караул с трёх часов до пяти, вот я и сделал это во время несения караула. То есть я остановил часы. В первый раз это случилось ровно в четыре часа утра. А потом через день я стоял возле кабинета Её величества днём. И так получилось, что я смог подойти к часам, когда они показывали четыре часа дня. Только и всего.

– То есть это совсем не связано с Купидоном? Или там с магией момента? – уточнил дю Плесси-Бельер.

– Это я потом слышал про «Час Купидона». Стоя в карауле в приёмной королевы, я слышал разговор об остановившихся часах. Кто-то из дам упомянула, что четыре часа – это время Купидона, – тут Виллеруа покраснел и после короткого раздумья признался. – И это меня так прозвали. Из-за роли в постановке «Королевского Триумфа». В канун сочельника. Помните, я с вишнёвого дерева лепестками роз всех осыпал?

– А! Вот оно как! – тихо произнесла мадам де Ланнуа и снова улыбнулась. – Это многое объясняет.

Маркиз поёрзал на своём месте, явно тяготясь тем, что рассвет уже давал знать о наступлении нового дня. В окно сквозь узкую щелку между гардинами пробивались яркие лучи солнца, отражённые от окон домов на противоположном берегу Сены.

Глава 2. Неудача или везение?

После четырёх часов утра. Лувр. Королевские покои

– Мы оторвались от них? – запыхавшийся от бега Луи-Виктор едва успел перевести дух, но всё ещё был готов бежать дальше.

– Погодите. Надо осмотреться, – шепнул Людовик и протянул руку, чтобы открыть дверцу.

– Нет! Это опасно. Нас могут заметить снаружи, когда мы будем выходить, – де Вивонн резко и довольно ощутимо хлопнул короля по руке.

– Но как же мы узнаем, можно выходить или нет? – не скрывая раздражения, спросил Людовик и с силой отвёл руку де Вивонна, который пытался удержать дверцу запертой.

Не смея повторить свой манёвр ещё раз, что окончательно вывело бы короля из себя, де Вивонн отступил. Тяжело дыша, он стоял у Людовика за спиной, а тот осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу.

В Большой приёмной было по-прежнему пусто и темно. Людовик сделал шаг вперёд. Несмотря на все старания ступать как можно тише, каждый его шаг по начищенному до блеска паркету отдавался гулким эхом.

– Никого нет, – сказал он, обернувшись. – Следуйте за мной, де Вивонн!

– Странно. Я никогда не видел этот зал пустым. Ни одного гвардейца, даже спящего. Нет. Ни одного! – прошептал де Вивонн и прошёл через весь зал к выходу в галерею.

– Осторожнее! Как раз там может стоять караул! – шепнул ему вслед Людовик.

– И в самом деле, стоят, – де Вивонн проехался по скользкому паркету назад. – Там швейцарцы. И только что де Грамон и гвардейцы де Варда вошли. Они все идут сюда!

– Живо! Идёмте ко мне. В мои покои! – скомандовал Людовик и первым метнулся к дверям своих личных покоев.

Не помня себя от волнения, оба влетели в кабинет. Они так торопились захлопнуть за собой двери, что одновременно и с силой рванули на себя золочёные ручки так, что обе створки тяжело ударились друг о друга, задрожали и с грохотом захлопнулись. Промчавшись через кабинет к дверям спальни, Людовик не заметил того, как на бегу зацепил концом шпаги треногу с медным канделябром. Покачнувшись, канделябр рухнул на пол, огласив кабинет громким металлическим звоном, а когда друзья выдохнули, думая о том, что на этом их беды закончились, тяжелые восковые свечи выпали из своих гнёзд и с весёлым грохотом прокатились по полу к дверям приёмной.

– Остаётся только надеяться, что никто не услышал, – без какой-либо надежды проворчал де Вивонн.

– Они сейчас бегут по галерее и гремят сапогами. Вряд ли они расслышат хоть что-то из-за грохота, который сами же и устроили, – ответил Людовик.

Уже в спальне он наспех сбросил туфли, снял перевязь со шпагой, стянул камзол, снял жилет, отвязал пояс и шарф, после чего бросил всё это на банкетку у изножья постели.

– Вы же не предложите мне и на этот раз занять оборону под вашей постелью, Сир? – с иронией спросил де Вивонн.

– А вы хотите, чтобы вас застали прямо так, посреди комнаты? – бросил через плечо Людовик, занятый тем, чтобы как можно плотнее задёрнуть занавеси полога прежде, чем забраться под одеяло.

– Я пережду в комнате Бонтана. Туда никто не посмеет войти.

– Кроме самого Бонтана, – ответил Людовик. – Оставьте дверь приоткрытой и ждите пока что здесь. Если кто-нибудь войдёт в кабинет, мы услышим это. Вот тогда и скроетесь у Бонтана.

– Почему же не сразу? – де Вивонн приоткрыл дверь в комнату камердинера и даже заглянул внутрь, чтобы убедиться в том, что там никого нет.

– Разве вы не хотите выяснить, что мы только что видели там – в приёмной королевы? – Людовик выглянул из-за полога. – Я бы рассказал вам. Но только с условием, что об этом больше никто не узнает. Даже ваш духовник!

– Что касается исповеди, Сир, то вы можете быть совершенно спокойны, – усмехнулся де Вивонн. – Я крайне редко заглядываю в часовню. А своего духовника уже и не помню, каков он на лицо.

– Хорошо. Впрочем, об этом вам тоже лучше не рассказывать.

Людовик раздёрнул полог, сел на край постели и выпростал босые ноги из-под одеяла. Кровать была настолько высокой, что он мог спокойно болтать ногами в воздухе, не касаясь длинного ворса ковра, расстеленного на полу.

– Так и что же мы там видели? – спросил де Вивонн, уловив по протяжному вздоху, что Людовик не был до конца уверен, стоит ли всё рассказывать и с чего именно следует начать.

– Мы с вами увидели именно то, что я и ожидал, – наконец заговорил тот. – Мы наблюдали за попыткой остановить время.

Этот ответ показался де Вивонну скорее шуткой, чем серьёзным объяснением. Он поднялся со скамеечки, на которой устроился с ногами, даже не сняв сапоги, прошёлся по комнате и встал напротив постели, устремив тяжёлый взгляд на Людовика.

– То есть?

– То есть, некто, кого я знаю, попытался провести старинный обряд, чтобы таким образом повлиять на ход времени, – объяснил Людовик. – Бытует такая легенда. Она гласит о том, что есть некая особенная, волшебная пыль или песок – тут каждый твердит своё.

Рассказывая о том, как Франсуа услышал историю от одного из своих сотоварищей по учёбе в Корпусе Королевских Пажей и после этого сам решил отыскать способ как открыть механизм в часах и остановить их стрелки, Людовик старался не упоминать ничьих имён. Луи-Виктору эта скрытность не показалась странной. Он прекрасно понимал, что на кону, кроме удвоенных часов караула для провинившихся пажей, ещё стояла честь имени и семьи, и, что ещё серьёзнее, – их будущая карьера. К тому же у него были собственные догадки о том, кого именно они едва не застигли на месте преступления.

– Значит, этот человек захотел стать властелином времени? – де Вивонн изобразил усмешку для разрядки, так как, судя по голосу короля, было件нятно, что его нервы были на пределе. – Хм, в этом деле требуется богатое воображение или очевидная глупость.

– Или и то и другое, – согласился Людовик.

– Ну, с этим-то всё ясно. Не пойму только, почему вы захотели ему помочь? Ведь все эти шутки с часами привели к скандалу. Этому малому удалось устроить большой переполох во дворце. Не говоря уже о том, что из-за неразберихи со временем началась путаница во всех дворцовых службах.

– Путаницы и раньше хватало, – махнул рукой Людовик и откинулся на подушки. – То, что сделал маркиз, наоборот помогло увидеть ситуацию в истинном свете. Поймите, Луи-Виктор, он не просто шутки ради затеял всё это! Он хотел помочь.

– Сомнительная это помощь. Вам так не кажется? И вообще, странный способ разрешить проблему с нехваткой времени, устроив ещё больший хаос, – хмыкнул де Вивонн и покосился на дверь в кабинет. – Кажется, сюда идут!

– Чёрт! Если они посмеют заглянуть ко мне в постель, я не ручаюсь, что смогу притвориться спящим, – сдавленным шёпотом вскрикнул Людовик.

– А и не притворяйтесь, Сир, – предложил де Вивонн, а сам тем временем подошёл к двери в комнату Бонтана. – Выскажитесь на этот счёт! Пусть не думают, что вы всё ещё тот

мальчик, которого можно контролировать и перевозить из одной резиденции в другую, как какую-нибудь куклу.

– Да вы вольнодумец, Луи-Виктор! И мне это нравится. Нам нужно чаще выходить на совместные прогулки по ночному Лувру, и не только, – усмехнулся Людовик и задёрнул полог, после чего укрылся одеялом по самый подбородок.

Раздавшийся громкий стук в дверь застал де Вивонна на пороге комнаты камердинера. Он едва успел прикрыть за собой дверь, когда в спальню короля вошли де Грамон и Дезуш. Два гвардейца нерешительно мялись на пороге, но остались стоять за спиной у своего начальства. Все четверо замерли и притихли, затаив дыхание. Наблюдая за ними в узкую щель, оставленную между неплотно задёрнутыми занавесями, Людовик подумал, что эта импозантная группа напоминала ему воришек сладостей, застигнутых врасплох во дворцовой буфетной.

– Сир! – громким шёпотом позвал герцог де Грамон и высоко поднял ночник со свечой, осветив себя самого и стоявшего рядом с ним Дезуша. – Сир, это я! Со мной сержант Дезуш! Мы пришли, чтобы удостовериться.

– Что такое, герцог? – изобразив сонный голос, проговорил из-под одеяла Людовик и для пущей достоверности громко зевнул.

– Вы уже не спите, Сир? – прогудел голос Дезуша, и Людовику пришлось до боли прикусить губу, чтобы не рассмеяться.

– Теперь уже нет, – ответил он и откинул одеяло от лица, чтобы приподнять голову над подушкой. – Вы разбудили меня, господа! Могу ли я узнать, чему обязан этим визитом?

– Да, Сир! Это всё из-за попытки грабежа в приёмной Её величества, – ответил Дезуш, тогда как де Грамон внимательно всматривался в щель между занавесями в попытке разглядеть лицо короля.

– С Её величеством всё в порядке? – спросил Людовик со всей суровостью, на которую был способен, с тем, чтобы перехватить инициативу в разговоре.

– Нет поводов для беспокойства, Сир! – на этот раз заговорил де Грамон.

– В таком случае, герцог, соблаговолите объяснить, зачем вы здесь? Это дело не могло подождать до утра? – Людовик вполне достоверно разыграл недовольство, вызвав одобрительный смешок де Вивонна, который подслушивал этот разговор, прижав ухо к двери.

– А вы не хотите узнать о том, что именно там произошло, Сир? – дерзнул ответить вопросом на вопрос гасконец и, прошагав через всю комнату, приблизился к постели.

– Я уже спросил вас об этом, герцог! – ещё строже проговорил Людовик, стараясь не шелохнуться.

– И я готов ответить, Сир! – резким движением де Грамон раздёрнул занавеси и строго посмотрел в лицо короля.

– И что же, это нечто настолько важное, что требует подобной экзекуции? Уберите свечу, герцог! Её свет раздражает, – говоря это, Людовик натянул одеяло до половины лица и, не выдержав слепящего глаза света, выпростал руку из-под одеяла для того, чтобы прикрыться ладонью.

– Я прошу прощения, Сир. Вы правы – нам с сержантом нужно было дождаться утра. Конечно же. Это всё моё гасконское рвение, Сир, вы же знаете. И рвение сержанта Дезуша, – де Грамон говорил, не спуская глаз с лица короля. – Ведь мы почти поймали этого негодяя! Я ожидал, что он появится. Но как предугадать, где именно?

– Так всё дело в часах? – спросил Людовик. – Опять эти часы?

– Да. Снова часы! – пробасил Дезуш, решившийся вставить свои пять су в этот чрезвычайно важный разговор. – В приёмной королевы на этот раз. Но в комнаты фрейлин Её величества он не успел проникнуть. Одна из дам спугнула его.

– Вот как? – попытался изобразить удивление Людовик.

– Да, Сир! – оживившись, Дезуш с энтузиазмом принялся пересказывать увиденное им и, по большей части домысленное. – Она выглянула в приёмную, и вор был вынужден сбежать.

– И вы упустили его?

– Нам помешали, Сир! Прежде, чем мы успели отыскать вход в потайные коридоры, по которым он сбежал, – де Грамон глухо закашлялся и с досадливой гримасой провёл ладонью по лицу. – Ещё одна из статс-дам Её величества...

Людювик ухмыльнулся и быстрым движением закрыл лицо ладонью, а потом махнул обоим визитёрам:

– Ну что же, господа, вы доложили обо всём. Я благодарю вас!

Это было произнесено столь очевидным командным тоном, что Дезуш тут же поспешил ретироваться. Он шагнул к двери в кабинет и исчез из виду, растворившись в темноте вместе с двумя гвардейцами.

– Да. Рады служить, Сир! И доброй ночи! То есть уже утра, – де Грамон как-то странно с намёком улыбнулся Людювику, отступил к двери и на ходу задул свечу.

– Да. Благодарю вас, герцог! – отозвался Людювик, и при этом ему не понадобилось притворяться для того, чтобы изобразить желание поскорее уснуть.

Глава 3. Выполненный квест

После пяти часов утра. Лувр. Комната герцогини де Ланнуа. Королевские конюшни

Не только юный маркиз, но и мадам де Ланнуа заметила близившееся наступление расвета. Но в отличие от Франсуа, для этого ей не было нужды смотреть в окно. На каминной полке красовался красивый бронзовый канделябр с большими свечами из белого воска – их мадам де Ланнуа выписывала целыми партиями из свечной мастерской аббатства Святого Визуария. По времени горения именно этих свечей герцогиня привыкла отмерять время с точностью до четверти часа. Свечи, которые она зажгла в три часа ночи, почти догорели, что указывало на то, что времени было около шести утра.

– Уже шестой час, мои дорогие, – сказала мадам де Ланнуа. – Скоро ко мне заглянет ещё один визитёр, и вы вряд ли захотите встретиться с ним.

– И кто же это? – вальяжно потягивая затёкшие от долгого неподвижного сидения руки и плечи, спросил Франсуа-Анри.

– Сержант Дезуш, – ответила мадам де Ланнуа и энергично постучала по подлокотнику, чтобы успокоить вскочившего в панике Виллеруа. – Успокойтесь, милый маркиз! Если бы я хотела, чтобы вас арестовали, то не отправила бы гвардейцев с пустыми руками. Право же, мой дорогой, вам следует научиться доверять тем, кто протягивает вам руку помощи.

– Простите, мадам, – устало прошептал Франсуа и опустил на стул. – Я ни о чём таком и не подумал. Но я не хочу подвести вас. Представляете, какой будет скандал, если все узнают, что это вы помогли мне скрыться. То есть не мне, а вору.

– Вор? Это не совсем то, кем вы являетесь в моих глазах, мой дорогой, – с улыбкой поправила его герцогиня. – Я бы сказала, что вы – дерзкий выдумщик и неисправимый шалун. Чем-то ещё обернутся ваши проказы тогда, когда вы вырастаете? Да, право же, мне будет любопытно узнать.

– Я не буду больше совершать такие... – Франсуа запнулся – уверенность в том, что он довёл до конца важный ритуал, мешала ему назвать совершённые им поступки глупыми.

– Такие подвиги? – подсказала герцогиня и улыбнулась. На этот раз дю Плесси-Бельер согласился с ней и даже несколько раз кивнул, хотя это можно было отнести на счёт его усталости.

– Да, всё это похоже на подвиги. Квест паладина – я бы сказал! И ведь вы затеяли это не только ради отца, не так ли? – спросил он и вытянул затёкшие руки в стороны так, что едва не задел пышный букет цветов в вазе, стоявшей на соседнем столике.

– Нет, не только, – помотал головой Франсуа, но большей откровенности он не позволил себе, не желая признаваться в том, что, кроме имени отца, в молитве о времени он повторял имена Людовика, королевы Анны, кардинала Мазарини, своих друзей – в том числе и самого Дю Плесси-Бельера, которого искренне считал другом.

– Что ж, господа! – прервала их мадам де Ланнуа, с укоризной глядя на неуклюжие попытки крестника поправить сдвинутую вазу на середину столика. – Вам пора уходить. Полковник, вы ведь отправитесь к себе в особняк Бельер, не так ли?

– Да, мадам! – подавив глубокий зев, ответил тот и поднялся, чтобы пройтись по комнате и размять ноги.

– Вот и славно, – следя за ним поверх края чашечки с горячим отваром, проговорила мадам де Ланнуа. – Возьмите карету из королевской конюшни. Пешие прогулки в столь ранний час не слишком полезны, – заметив вскинутые в удивлении брови, она усмехнулась. – Я

слышала от Главного Шталмейстера, что ваше имя уже включили в список придворных, кому полагается собственный выезд – карета или осёдланная лошадь по первому требованию.

– О, мадам! Как мне благодарить вас? – дю Плесси-Бельер улыбнулся, подошёл к ней и порывисто встал на одно колено.

– Не скрытничать, мой дорогой! Только и всего, – лучики морщинок собрались в уголках усталых глаз. Мадам де Ланнуа улыбнулась крестнику и подала руку для поцелуя. – И возьмите с собой нашего милого Купидона, – качнув головой, она перевела взгляд на Виллеруа, который прикорнул на стуле в лёгкой дреме. – Мне кажется, что вам с ним по пути.

– Да, но прежде, чем мы уйдём, – начал было Франсуа-Анри, и тут же умолк, улыбнувшись от ласкового прикосновения к щеке. Мадам де Ланнуа заговорила, не дав ему высказаться:

– Да, да, я помню, что я пообещала. И не намерена отступить от данного мною слова. Дезуш не узнает ничего. Не от меня – уж это точно! И я ничего не расскажу об этом деле Её величеству. Пока что.

– О, мадам! Я заверяю вас, что эта история закончилась. Здесь и сейчас, – заверил её дю Плесси-Бельер и с озорным прищуром посмотрел на Виллеруа. – Вы и сами видите, что он совершенно спокоен и доволен собой.

– Я вижу, – снисходительно усмехнулась герцогиня. – Стрелки на двенадцати дворцовых часах остановлены, квест паладина времени завершён. Принесёт ли это ожидаемые плоды – об этом мы узнаем позже. Но вы, мой дорогой, должны позаботиться о и том, чтобы был пойман часовой вор. Понимаете?

– Как? Но вы же... – опешил Франсуа-Анри.

– Я сказала, что не расскажу Дезушу и кому бы то ни было о том, что услышала этим утром. Но, дорогой мой, на вас и на графа де Сент-Эньяна была возложена обязанность раскрыть тайну, которая стоит за этими преступлениями, и найти виновного.

– Значит, я всё ещё должен найти часового вора? – убитым голосом спросил дю Плесси-Бельер.

– Именно так, мой дорогой. Постарайтесь, чтобы объяснения, которые вы представите в связи с этой историей, прозвучали бы убедительно и правдоподобно. Поверьте, это приведёт к приятным сюрпризам.

– Да уж! – небрежно хмыкнул дю Плесси-Бельер.

– Ах, мой дорогой маркиз! А ведь это было совсем недавно, когда вы сами попадали в переделки и совершали проказы, не меньшие, чем этот малыш, – поднявшись из кресла, мадам де Ланнуа подошла к Виллеруа и ласково потрепала его по светло-каштановым кудрям. – Теперь ваша очередь помочь другу не попасть в беду. Вы уж постарайтесь, дорогой мой.

– Да, я готов. Конечно же! Но как? – всё ещё не понимая, к чему клонила герцогиня, дю Плесси-Бельер вопросительно посмотрел в её глаза. – Ради спасения одного подставить другого?

Всё это выходило за рамки того, на что мог пойти Франсуа-Анри. Голос совести, чести или чего-то ещё не менее возвышенного говорил ему о том, что оставляя маленького маркиза на свободе, он тем самым принимает его вину на себя. И к этому он был готов. Но теперь выходило, что его просили переложить вину с себя на голову другого ни в чём не повинного человека.

– Не совсем, дорогой мой, – видя душевную борьбу в глазах крестника, герцогиня заговорила мягче, готовая к необходимости подробно объяснить свой план. – Есть один человек. Возрастом он немногим старше нашего маркиза. Так вот я уже не раз уличала его в деяниях, за которые по закону ему полагается не просто наказание, какое обычно выносят обыкновенному вору, а гораздо суровее. Двадцать лет на галерном флоте Его величества!

– Боги! Что же он совершил? – эти слова, произнесённые дю Плесси-Бельером во весь голос, едва не разбудили Виллеруа, и мадам де Ланнуа покачала головой и прошептала:

– Всего-навсего кража. Но следует задать вопрос не о том, что он совершил, а где? В королевской часовне!

– Это один из тех грабителей? – также шёпотом продолжал спрашивать дю Плесси-Бельер и покосился на потянувшегося в полусне маркиза.

– Да. Но хуже всего то, что мальчик связан с шайкой воров из Сент-Антуанского предместья. И это усугубляет его положение. Для его брата всё было бы гораздо хуже – его бы обвинили в измене королю. Так что можно сказать, что смерть освободила его от худшей кары. А вот для мальчика, увы, всё складывается просто катастрофически скверно, если этому делу дадут ход, и оно будет рассматриваться в суде.

– Кто арестовал его? – спросил Франсуа-Анри, не заметив, что в задумчивости принялся отбивать пальцами такт марша по подоконнику.

– Один из комиссаров тюрьмы Шатле. Он недавно перевёлся туда из следственной палаты Парижского парламента. Ла Рейни.

– Я слышал о нём, – потёр подбородок полковник.

– А это и хорошо. Очень хваткий молодой человек. И весьма опытный по части лазеек в законе и во всём, что касается предписания о наказаниях. Я рекомендую встретиться с ним и обо всём переговорить.

Из-за двери, ведущей в коридор для прислуги, послышался топот каблучков. Это горничные, которые прислуживали дамам свиты королевы, уже спешили в комнаты своих хозяек, чтобы убрать золу из каминов, растопить их, принести кувшины тёплой воды, свежее бельё и все необходимые для утренних процедур мелочи.

– Поспешите, мои дорогие! – мадам де Ланнуа потрепала маленького маркиза за плечо, чтобы разбудить его. – Вам необходимо встретиться с этим Ла Рейни, Анрио, и договориться обо всём. Мне показалось, что он лично заинтересован в судьбе мальчика. Как знать, может быть, благодаря часам Купидона, ему улыбнётся сама Фортуна.

– Ему уже улыбнулась Крёстная всего двора, чего же больше! – дю Плесси-Бельер с почтением коснулся губами удивительно мягкой и тёплой руки герцогини.

– Что же, маркиз, прощайте! Или, лучше сказать, до свидания! – мадам де Ланнуа улыбнулась крестнику в ответ на комплимент и осенила его знамением. – Что касается меня, то я постараюсь сделать всё возможное для того, чтобы об этих происшествиях забыли как можно скорее.

– Вы настоящий ангел-хранитель, мадам! – признался в своих чувствах Виллеруа, живо соскочив со стула. Он отвесил галантный поклон, шаркнув ножкой, и поспешил расправить все складки на панталонах и камзоле.

– Я всего-навсего тётушка для тех, кто готов ценить мою заботу. И мои отвары, – польщённая столь пылким выражением благодарности, герцогиня всё же не стала заострять на них внимание. – Всё, всё, господа! Анрио, – она наградила старшего маркиза коротким поцелуем в щёку, на которой уже проступала утренняя тень. – И да, вас вызовут во дворец, не ровён час! Не забудьте прежде всего переодеться. Обычное придворное платье не слишком подойдёт для такого визита. Лучше наденьте тот ваш камзол, который для верховых прогулок. Он строгого кроя, да и вы в нём больше похожи на военного.

– Но я и есть военный! – усмехнулся дю Плесси-Бельер.

– И придворный. С недавних пор, – строгим голосом поправила его герцогиня. – Так что будьте готовы явиться во дворец сразу же, как только получите приглашение с курьером. А вы, мой дорогой, – она ласково погладила Виллеруа по щёке. – Отдохните хорошенько после вашего квеста. Как знать, когда вы понадобится Его величеству? Только, чур! Уговор:

я никому не открою секрет о нашем разговоре. Но и вы, мой друг, не рассказывайте о моём скромном участии в сегодняшнем вашем приключении. Хорошо?

– Я обещаю, мадам! – выпалил Франсуа, но мадам де Ланнуа, смеясь, приложила палец к губам и легонько подтолкнула его следом за дю Плесси-Бельером к двери, скрытой за фальшивой панелью с картиной в массивной позолоченной раме.

– Ни пуха ни пера, мои дорогие! – напутствовала она их, стоя у входа в потайной коридор. – Берегите себя!

И снова впереди были только темнота и неизвестность. Франсуа попробовал поморгать, чтобы привыкнуть к отсутствию света, но в узком проходе царила непроглядная тьма. Не было ни малейшего намёка хотя бы на какой-нибудь источник света – только бесконечная темнота. Ему оставалось слепо довериться шедшему впереди маркизу и слову мадам де Ланнуа. Ведь она пообещала, что этот потайной коридор выведет их наружу.

– А где же мы выйдем? – спросил Франсуа.

– Это чуланчик под лестницей у входа в вестибюль для прислуги, – ответил дю Плесси-Бельер.

Вспомнив о таинственных знаках, которые отмечали каждый поворот в дворцовом лабиринте потайных коридоров, Франсуа провёл ладонью по стене. Сначала только справа от себя, а когда проход сделался совсем узким, то он протянул к стене и левую руку, почти сразу же нащупав углубление в склизкой от сырости каменной кладке, покрытой известью и толстым слоем грязи. Будто бы кто-то нарочно провёл остриём ножа и вырезал эту щербину на ходу.

– Если вы когда-нибудь надумаете воспользоваться этим коридором, – заговорил с ним дю Плесси-Бельер, словно затылком увидевший этот манёвр. – Запомните, что он ведёт не только к комнате мадам де Ланнуа, но и к личным покоям королевы. А вот здесь через несколько шагов, вот сейчас уже, будет поворот. Тот коридор ведёт в Министерское крыло. Туда лучше не ходить, если не хотите попасть в руки к дознавателям из Канцелярии. Они люди дотошные и общими объяснениями не удовлетворятся. Им непременно захочется услышать о том, кто ещё, кроме вас, знает об этих коридорах. В общем, если вы не уверены, что сможете выдержать допрос и не выдать никого, то лучше держитесь подальше.

Франсуа ничего не ответил. И вовсе не потому, что слова маркиза обидели его. Чего уж там, даже один разговор с герцогом де Невилем мог вселить ужас перед любыми допросами, а если его будут расспрашивать сразу несколько таких же инквизиторов, то и в самом деле лучше сторониться любых встреч с ними. К тому же, после окончания ритуала с часами и «Песком времени» в душе Франсуа поселилось нежелание попадать в ещё какие-нибудь переделки. Может быть, и ненадолго, но в ближайшие дни он точно не захочет пускаться на поиски новых приключений. И к тому же он хотел понаблюдать за тем эффектом, который должен был принести проведённый им ритуал. Ведь и Людовик поверил в его действенную силу – значит что-то грандиозное должно было непременно произойти.

– А теперь осторожней, маркиз! Мы идём очень близко к стене вестибюля. Собственно справа от нас уже не стена, а только полотно гобелена. Так что шагайте тише и не касайтесь руками стен. Не стоит привлекать к себе внимания.

– А там кто-то есть? – шёпотом спросил Франсуа и провёл рукой по шероховатой поверхности задней части полотна.

– Пока никого. Ведь пажеский караул в эту ночь отменили. Но мало ли кому вздумается забрести сюда чисто случайно, – также шёпотом ответил дю Плесси-Бельер и остановился.

Осторожно пошарив пальцами по полотну гобелена прямо перед собой, он отыскал нижний край и приподнял его, чтобы выглянуть наружу.

– Мы на месте, – шепнул он, обернувшись к Франсуа. – Выйдем через те двери. Они ведут в коридор для прислуги. А дальше напрямик в конюшни. И там я оставлю вас.

– Спасибо, – отозвался из темноты Франсуа.

– Но это ещё не всё, – дю Плесси-Бельер не спешил выходить наружу. – Запомните, маркиз, всё, что вы рассказали мне и мадам де Ланнуа, останется строго между нами. Я позабочусь сделать так, чтобы ничто не указывало на ваше участие в этом деле.

– Но тот человек, на которого вам указали, чтобы вы передали его в руки господина де Сент-Эньяна, он ведь не пострадает? – Франсуа был решительно настроен взять всю вину на себя, а не перекладывать наказание на чужую голову.

– Конечно же пострадает, – с внезапной жёсткостью ответил дю Плесси-Бельер. – И вы должны твёрдо запомнить, Франсуа, что у каждого нашего поступка будут последствия. Это неизбежно. Но на этот раз вместо вас пострадает кто-то другой. Вы даже не знаете кто он. Но вы должны понять самое главное: если вина останется на вас, то пострадает больше людей. Все те, кого вы очень хорошо знаете. Те, кого вы любите. И в первую очередь ваш отец. А также ваши сёстры и их мужья, и даже их братья и сёстры. И даже те люди, кто служит вам и вашей семье. Понимаете? Всё это очень серьёзно, друг мой. И бравада здесь неуместна. Итак, человек, который вам незнаком или ваша семья? Каким будет ваш выбор?

– Но как же так? – опешил маркиз и, неловко оступившись, ударился спиной о холодную стену. – Ведь нельзя наказывать других за чужие проступки! Это же нечестно!

– Вы наивны и пока очень мало знаете о мире, в котором мы живём. Но вам придётся повзрослеть.

Жёсткость и безапелляционный тон этих слов не нравились Франсуа, он потянул дю Плесси-Бельера за рукав, заставив его обернуться, и высказал таким же суровым и решительным тоном:

– И всё же, я не согласен.

– Вот как? Чего же вы хотите? – усмехнулся дю Плесси-Бельер.

– Пусть того человека оправдают и не наказывают. Пусть его судят так, как если бы судили меня.

– А вы полагаете, что вас бы не судили строго? – терпеливо поинтересовался полковник, словно никуда и не спешил.

Он присел на корточки и внимательно посмотрел в лицо маркиза, освещённое светом, падающим в коридор из-под приподнятого гобелена. – Тут вы жестоко ошибаетесь, друг мой. За эти проступки спросили бы и с вас. С такой же строгостью. Так что будет даже лучше, если того человека будут судить по меркам его положения, а не вашего.

– Но как же так?

– Вы – дворянин. Сын маршала Франции, государственного советника, чего больше? – терпеливо объяснял дю Плесси-Бельер.

– Но ведь мне всегда прощали все мои шалости! Почему же сейчас не простят? – не уступал Франсуа.

– Но это не шалость, мой дорогой друг. Это – покушение на жизнь короля, – строго возразил полковник. – И суд будет рассматривать это именно в таком ключе. Это очень серьёзно.

– Но я же всё рассказал!

– Да, рассказали. Мне и мадам де Ланнуа, – поправил его дю Плесси-Бельер.

– И королю, – дополнил список посвященных лиц Франсуа.

– Да, и королю. И всё же, – полковник был непреклонен. – Если у кого-то есть зуб на вашего отца или на архиепископа Лионского, вашего дядюшку, или на графа д'Арманьяка, супруга вашей дорогой сестры Катрин, то он воспользуется этим разбирательством и судом над вами с тем, чтобы очернить всю семью де Невилей.

– Нет... Этого не может быть!

– Может. Это не просто детские шалости. Игры закончились, друг мой! – с горечью констатировал дю Плесси-Бельер.

– Но я не хочу! Не хочу, чтобы они пострадали из-за меня! Пусть меня запрут в Бастилии. Я знаю – это ненадолго, – в тусклом свете можно было рассмотреть, как на лице мальчика мелькнула улыбка. Ведь он сумел довести до конца квест с «Песком времени». Разве время не принадлежит ему по праву первого, кто сумел остановить его ход?

– Не переживайте, Франсуа. Я обещаю, я даю вам слово, что мальчик, которого выдадут вместо вас, не пострадает. Я найду способ, чтобы позаботиться о нём. О его будущем. Но, – голос дю Плесси-Бельера звучал всё так же строго. – Вы должны пообещать мне, что впредь не станете искать его и не пытаться поднимать эту тему. И тем более обещайте мне не просить за него короля.

Сказав это, дю Плесси-Бельер поднял ещё выше нижний край гобелена и вышел наружу.

– Как это «поднимать эту тему»? – Франсуа снова потянул его за рукав. – Я не понимаю.

– Выходите, маркиз, – полковник не стал одёргивать руку, но останавливаться не стал. – Нам надо поспешить! Не поднимать тему – это значит, вообще не вспоминать, не говорить об этой истории вовсе. Не рассказывать никому. Забыть об этой истории!

Несогласный с приведёнными доводами, Франсуа всё-таки решил принять их и вышел из коридора. Страхивая с себя паутину, налипшую на камзол, он осматривался вокруг. Место, куда они вышли, было похоже на вестибюль для прислуги, через который во дворец доставляли тюки, сундуки и ящики для того, чтобы переносить их во внутренние покои. Оглянувшись, маркиз заметил, что гобелен уже висел, как прежде, ничем не выдавая того, что за ним скрывалась ниша с дверью в потайные коридоры.

– Пытаетесь запомнить обратный путь? – с усмешкой спросил его дю Плесси-Бельер, но Франсуа безразлично пожал плечами – с него уже хватило тёмных и страшных потайных коридоров:

– Те двери ведут в конюшни. Вы окажетесь на месте, как и должны были. Вас ведь не успели хватиться?

– Неа! – беззаботно ответил Франсуа и тут же прикусил язык, заметив во взгляде его старшего друга интерес, который вызвала эта короткая реплика.

– Так ваш напарник тоже не был на посту этой ночью?

Теперь настало время Франсуа отпираться. Но дю Плесси-Бельер был слишком настойчив. Прищулив глаза, он улыбался, наблюдая за тщетными попытками маркиза увильнуть от прямых ответов.

– Ладно, ладно! Я согласен закрыть на это глаза. Но взамен вы даёте мне полный карт-бланш на все решения о вашем деле. В конце концов, вы вольны выбирать: ваша семья или тот, кого вы не знаете вовсе? Ну как? Решили? Доверьтесь мне, Франсуа!

– Хорошо. Я решил, – он понурил голову. – Я согласен. Но вы дали мне слово! Вы позаботитесь о нём?

– Я сдержу моё слово! – парировал маркиз. – А теперь ступайте и поднимите кого-нибудь из конюхов. Мне понадобится карета.

– Как? Целая карета? – недоверчиво спросил Франсуа.

– Да. Конечно же! – дю Плесси-Бельер похлопал его по плечу. – Не беспокойтесь, на этот раз ничего недозволенного. Моё имя уже включено в придворный реестр. Я не знаю, в каком именно чине. Но собственный выезд в королевских конюшнях мне обеспечен.

Пока Виллеруа бегал в дальний угол конюшен в поисках дежурного конюха, полковник забрался по приставной лесенке наверх и заглянул в распахнутый настежь люк сеновала.

– Кто вы? Что вы здесь делаете? – послышался вопрос снизу, и дю Плесси-Бельер спустился.

– А, вот и вы! – весело стряхивая с ладоней пыль и травинки, он подошёл к молодому человеку, надевавшему форменный плащ королевского пажа.

– Что значит «вот и я»? – с вызовом спросил он, но, увидев де Виллерау и конюха, которого тот привёл, обратился к маркизу. – А вы что? Где вы были?

– Маркиз был здесь. Я застал его на боевом посту, – ответил вместо него полковник и смерил наглеца нарочито строгим взглядом. – Если бы у меня было время, сударь! Если бы у меня было достаточно времени! Но мне не досуг расспрашивать вас о несении караульной службы, господа. Карету мне! Карету!

– Маркиз!

Франсуа выбежал из-под навеса, встал и вытянулся по стойке смирно перед дю Плесси-Бельером, не обратив внимания на подъезжающую карету.

– Эй! Куда? Вот мальчишки! Прямо под колёса кидаются! Вот же, а ну как не успеешь увернуться? – прикрикнул на маркиза доезжащий, стоявший на запятках кареты. – Вы? – узнав в лицо де Виллерау, который обернулся в его сторону, он сорвал шляпу и отвесил почтительный поклон. – Не признал вашу милость спросонья. Прошу меня простить!

– В чём дело, Франсуа? – строго спросил дю Плесси-Бельер, с удивлением отметив волнение, написанное на лице друга.

– Песок! «Песок времени», – прошептал Франсуа и показал на мешочек, который висел у него на поясе. – Часы Аполлона! Это не я остановил часы, которые стоят в кабинете короля. И в часовне в покоях королевы – тоже не я был. Там, где я часы останавливал, я всегда просыпал этот песок. Понимаете, маркиз?

– Да, начинаю понимать, – задумчиво протянул Франсуа-Анри, потирая подбородок. – Я припоминаю что-то такое. Бонтан указал на этот песок в самом начале. Но потом как-то вдруг запмятовал. Герцог де Грамон всё никак в толк не мог взять, что с этим песком не так: то он был, то его не было. Значит, это не вы остановили те часы?

– Нет, – замотал головой Франсуа. – Это был не я.

– Да. Выходит, что это были те. Другие люди. Но для чего им это понадобилось? Всё это необходимо выяснить. Ну что же, этим я и займусь. А вы, мой друг, – полковник вдруг строго посмотрел на Франсуа, но потом улыбнулся и, подойдя ближе, похлопал по плечу:

– Всё! С вас хватит уже! Теперь точно всё закончено. Забудьте. Я сдержу моё слово, а вы – ваше.

– Обещаю, – глядя в глаза дю Плесси-Бельера, маркиз кивнул ему и взмахом шляпой ответил на прощальный салют рукой.

Глава 4. Утро с комиссаром Шатле

После шести утра. Париж. Улица Лагарп

– Куда прикажете ехать, ваша милость? – спросил доезжачий, открывая перед маркизом дверцу кареты.

Поставив ногу на ступеньку, дю Плесси-Бельер помедлил. Он обернулся к Виллеруа, который стоял под навесом и смотрел на него из-под ладони, подставив её ко лбу козырьком. Видно было, что он ожидал, не скажут ли ему что-то важное напоследок.

– Не переживайте так, Франсуа! Выше нос! – дю Плесси-Бельер вложил всё веселье и энергию, оставшиеся у него после бессонной ночи, чтобы ободрить друга. – Я найду разгадку всем этим тайнам. Я обещаю вам, что сделаю всё, чтобы никому не пришлось отвечать сверх меры за ваши подвиги. Слышите? Более того, я думаю... Нет, я уверен в том, что кое-кому Фортуна послала самый лучший шанс в его жизни. Сумеет ли он им воспользоваться? Это зависит и от него тоже.

– Я буду ждать известий от вас, маркиз! Слышите? Я буду ждать! – откликнулся Виллеруа и помахал рукой на прощание.

– И вы их получите! – дю Плесси-Бельер отсалютовал шляпой в ответ и, ухватившись за крышу кареты, неожиданно подтянулся вверх и приказал кучеру:

– На улицу Лагарп! Корчма «Золотое перо».

– Будет исполнено, ваша милость!

Щёлкнул бич. Зацокали подковы. Грохот колёс повторился гулким эхом, пронёсшимся над внутренним двором. Качнувшись на повороте, большая карета с гербами королевского дома, описала полукруг и проехала в ворота под невысокой аркой.

Маркиз захлопнул дверцу и сел на пассажирское сиденье. Звякнуло опущенное вниз стекло оконца. Оно было настолько мутным от пыли и дождевых разводов, что пришлось опустить его вниз для того, чтобы разглядеть хоть что-то снаружи и не задохнуться от духоты. Видимо этот экипаж долгое время простоял закрытым в каретном павильоне, и слуги, обслуживавшие конюшни, не удосуживались проветрить и помыть его изнутри. Кроме конюха и доезжачего на службу полковнику определили королевского курьера. Он расположился на сиденье напротив дю Плесси-Бельера и первую половину пути сохранял весьма удобное для обоих молчание. И только когда в окошке показались знакомые виды узких улиц, преимущественно населённых людьми, которые принадлежали к так называемому сословию мантии, молодой человек проявил заметный интерес к цели их поездки.

– Уж не к советнику ли Парламента вы едете, ваша милость? – спросил он, намереваясь вызвать полковника на откровенность.

– Нет, – отозвался тот, не отрывая взгляда от окошка со своей стороны, и усмехнулся. – Тот, кому я намерен нанести визит, не столь важная птица. Хотя я не исключаю, что он ещё поднимется по служебной лестнице. Если у него найдётся необходимая хватка и понимание людских характеров.

Карета резко накренилась вбок, когда колёса неудачно вписались в колею, выдолбленную в затвердевшей после ночи грязи посреди немощенной улицы. Проехав ещё немного вперёд, кучер остановил лошадей и, спрыгнув на землю, сам открыл дверцу для маркиза со стороны, противоположной от той огромной лужи, в которой едва не увязли колёса.

– Прошу простить, ваша милость. В этой части Парижа немощенные улицы.

Дю Плесси-Бельер потянулся, широко зевнул и с лёгкостью соскочил с подножки, кивнув кучеру в ответ на его извинения.

– Ждите меня! Я вернусь, как минимум через полчаса.

– А ежели карета чья поедет? Не лучше ли мне отъехать подальше, господин полковник? Впереди площадь Трёх Святых. Она достаточно широкая, там и разъехаться можно, и обождать.

Нахмурившись, обдумывая это предложение, полковник всё же кивнул в знак согласия и молча зашагал по улице. Он прошёл до трехэтажного здания с претенциозной, выкрашенной кричаще яркими красками вывеской на фасаде. Его главным украшением служили две колонны на крыльце у входной двери в виде античных герм, увитых лозами дикого винограда. Дю Плесси-Бельер поднялся по ступенькам крыльца, остановился и осмотрел улицу по обе стороны от себя. Он протянул руку к медному кольцу, но прежде чем успел постучать, дверь с шумом распахнулась и в проёме показалось румяное лицо женщины, одетой, как и все горожанки, в серое платье из льняной ткани с вязаной из грубой шерсти шалью, накинутой на плечи, и в огромном белоснежном чепце. Оценив прищелца намётанным взглядом, который привычно выделял в каждом человеке признаки жильца – многообещающего или же никчёмного – она отодвинула тяжёлую дверь, чтобы впустить его в небольшую прихожую.

– Чем могу, сударь? – поинтересовалась хозяйка, не забывая улыбаться молодому человеку, чей богатый, хотя и неброский костюм, и шляпа с пышным плюмажем указывали не только на достаток, но и на высокое положение.

– Я желаю переговорить с одним из ваших постояльцев, сударыня, – дю Плесси-Бельер мягко улыбнулся.

– В столь ранний час? Мои жильцы ещё изволят почивать в такое время, милсударь. Я только что развела огонь в очаге на кухне, чтобы приготовить для них завтрак. А может молодой господин пожелает скоротать время за стаканчиком вина? У меня и свободная комната имеется, где можно подождать с удобством.

Посуровевший взгляд молодого господина не располагал к дальнейшим уговорам, и хозяйка благоразумно прикусила язык.

– Передайте это господину Ла Рейни, – он вынул из-за рукава жюстокора сложенную вчетверо бумагу. – Это срочно. И да! После вы можете подать нам вино и завтрак. В его комнату, – вслед за бумагой в горячую ладонь хозяйки съёмных квартир опустились несколько монет – плата, за которую можно было занять одну из комнат в её заведении на целых две недели.

– О, ваша милость! Вы очень щедры! Так к мэтру Ла Рейни? Завтрак и вино! – тотчас же заулыбалась хозяйка. – Так я ж бегу. Сей же момент всё сделаю. Мэтр вчера поздно явился, поэтому изволят ещё спать. Но я его разбужу для вашей милости, – уже поднявшись на несколько ступенек скрипучей лестницы, она обернулась. – А ежели спросить изволят? Как мне доложить о вашей милости?

– А так и скажите, сударыня, что это по делу о часах, – коротко ответил дю Плесси-Бельер. – Он поймёт.

Оказалось, что и в самом деле мэтр Ла Рейни был посвящён в тонкости расследования дворцовых краж и остановки часов. Он ждал человека из Лувра и, как только мадам Блюш передала ему, что внизу дожидается «Его милость» – молодой человек весьма впечатляющей наружности, то мэтр поспешил в коридор и прямо с лестничной площадки позвал гостя к себе наверх.

– Сюда, ваша милость! Не беспокойтесь, вы не подняли меня. В этот час я никогда не сплю. Марта, что у нас с завтраком? – этот вопрос, точнее приказ, относился к хозяйке, не скрывавшей своего живого интереса при виде высокой особы, пожаловавшей к мэтру в столь ранний час, когда редко кто ещё выходил из дома, разве что только ради первых и самых выгодных цен на рынке.

– Доброе утро, мэтр!

Дю Плесси-Бельер взбежал вверх по лестнице. Он без долгих церемоний прошёл в комнату комиссара городской тюрьмы Шатле и захлопнул дверь перед самым носом любопытной хозяйки.

– Присаживайтесь у камина, ваша милость, – пригласил Ла Рейни. – Апрельские утра редко радуют теплом. А вам, видимо, пришлось ехать сюда из самого Лувра. На набережной Сены в это время года особенно сыро, что и говорить.

– Да. Это так, – коротко ответил на это проявление участия дю Плесси-Бельер и откинулся на спинку стула, который, судя по его виду, помнил времена доброго короля Генриха Четвёртого.

– Смею предположить, в деле о часах появились подвижки? – спросил Ла Рейни, запахнув плотнее долгополый халат, который служил ему домашним одеянием.

– И не только! Мы нашли разгадку этого дела. Но всему своё время. Прежде всего я хочу расспросить вас, мэтр, о судьбе того мальчика, который остался совершенно один без семьи и каких-либо родственников после убийства его старшего брата – смотрителя канделябров и гардин в Лувре. Его нашли избитым до полусмерти в одном из коридоров, помните?

– А что вам до того малого? – Ла Рейни сцепил пальцы между собой и с интересом посмотрел в лицо полковника. – Он в Шатле. Против него выдвинуты несерьёзные обвинения, но всё же он был замешан в делах старшего брата. И оба связаны с шайкой. «Уличные воробы». Слыхали о таких? Воровской притон под прикрытием приюта для сирот и бездомных. Кюре из церкви Всех Святых опекает их. Но за ниточки дёргает кое-кто другой. Это один из признанных в воровском мире человек.

– Людей, – небрежно поправил его дю Плесси-Бельер и положил шляпу на колченогий столик рядом с камином.

– Нет, ваша милость. Именно «человеков». Это чисто парижское словечко. Человек – это тот, кто в воровском мире добился признания среди воров и стал вожаком небольшой банды. За ним обычно числится внушительный список краж, а нередко и убийств.

– Вот как? – усмехнулся полковник. – Всякий раз я узнаю что-нибудь новенькое о Париже. Хорошо, я запомню это, мэтр.

– Так вам нужен этот мальчишка? Могу я кое-что сказать вам о нём? Вы можете проявить к нему участие, если пожелаете.

– И каким же образом? – прищурился дю Плесси-Бельер.

– Если намекнёте вашему знакомцу – папаше Мекано – пусть он отдаст приказ тем, кому следует, чтобы мальчика отпустили с миром из банды.

– О, так вы и об этом знаете?

– Ваша милость, я получаю жалованье не за просиживание штанов, с позволения сказать, – в маленьких глазках мэтра блеснули огоньки, а на лице появилось выражение превосходства. – Я умею добывать нужные сведения. Обо всём, что происходит на улицах этого города. Понемногу. Скромно пока. Но, как видите, кое-что я уже знаю о порядках, заведённых в парижских кварталах.

– Вы же не служите в Парламенте. Зачем вам? – будто стараясь раззадорить собеседника, поинтересовался дю Плесси-Бельер.

– Я стремлюсь к большему. Парламент – это законы. А я хочу служить в ведомстве, которое будет следить за их соблюдением.

– Блюститель порядка? Префект? Или выше – коннетабль? – усмехнулся маркиз. – Пожалуй, это имеет смысл.

– Минуту, – Ла Рейни прошёлся по комнате, подошёл к двери и резким движением широко распахнул её прямо перед носом у отпрянувшей в испуге хозяйки, которая стояла у порога комнаты с подносом в руках.

– Моя дорогая мадам Блюш! – воскликнул Ла Рейни, выхватив поднос из рук оторопевшей от неожиданности женщины. – Как вовремя! Благодарствую, моя дорогая. Вы – чудо! – он смешно вытянул губы, имитируя воздушный поцелуй, а в следующий миг носком ноги захлопнул дверь, прервав ворчливое замечание хозяйки о ранних гостях и громких разговорах, которые мешают спать добропорядочным жильцам по соседству.

– Итак, дорогой маркиз, – вернувшись к камину, Ла Рейни точно выверенным движением ноги пододвинул к себе столик и поставил на него поднос.

– Здесь холодная утка, свежий хлеб, паштет. Хм, а вот тут у нас соус для утки. Ага! А вот и пирог! – перечислял он блюда скромного завтрака, наскоро собранного для них доброй мадам Блюш. – Это пирог с грушами, вымоченными в меду, – он закатил глаза и поцокал языком. – Рекомендую особо! Этот пирог – лучшее из того, что мне доводилось отведать в Париже. Не нормандский пирог. Увы, нет! Но всё же он достоин внимания.

Он разделал утку, разложил куски мяса на два блюда, щедро полил их соусом и отрезал по паре ломтей хлеба. Затем с такой же ловкостью он разделил и пирог. Выложив равные части на блюда, Ла Рейни с видом художника отступил на шаг назад и полюбовался получившимся натюрмортом.

– Полагаю, стаканчик подогретого вина будет недурным дополнением к этому маленькому пиршеству, – с этими словами он указал на высокий кувшин, из длинного носика которого поднимался густой пар, отчего вся комната наполнилась пряным ароматом специй.

– Пожалуй, что от горячего вина я не откажусь, – согласился маркиз и вооружился вилкой, чтобы насладиться завтраком.

– Итак, на чём мы остановились? – заговорил Ла Рейни, когда покончил с утиным мясом и с неторопливой методичностью настоящего гурмана принялся намазывать паштет на ломоть тёплого хлеба.

– Я спросил вас о судьбе мальчика, родственника которого нашли забитым до полу-смерти в потайном коридоре в Лувре, – напомнил маркиз, нацепив на вилку несколько кусочков мяса. – У меня есть вопросы касательного его. Может ли так случиться, что человек, который лишь косвенно связан с одним преступлением, может оказаться замешанным и в другом деле?

– Почему же нет, – Ла Рейни посмотрел на собеседника поверх бокала и сделал большой глоток. – Так частенько случается.

– И если не брать в расчёт практику некоторых комиссаров решать вопросы о нераскрытых преступлениях, – дю Плесси-Бельер мельком посмотрел в глаза Ла Рейни и тоже сделал несколько глотков прежде, чем продолжить свою мысль. – Ведь так бывает, когда одно преступление оказывается серьёзнее другого, не так ли? И что же в таком случае? Какова процедура?

– Этого человека будут судить по обвинению в наиболее серьёзном преступлении, – ответил Ла Рейни и на некоторое время сосредоточился на еде. – Не то чтобы другое дело простили, – отвлекшись, продолжал он. – Ведь невозможно повесить одного человека дважды. Как и дважды послать на галеры пожизненно – это уже один раз, дважды – это абсурд. Не так ли?

– Ну вот, – маркиз доел второй кусок грушевого пирога, допил вино и с довольным видом откинулся на спинку стула.

– Что? Я не понимаю. Что значит это ваше «ну вот»? – спросил Ла Рейни, отстав от своего сотрапезника едва ли не вдвое.

– А это значит, дорогой мэтр, что есть другое обвинение, по которому будут судить этого мальчика. И гораздо серьёзнее. В сравнении с делом, по которому его обвиняют, то, что он оказался вовлечённым в дворцовые кражи, всего лишь цветочки.

– И что же это за обвинение? Постойте, уж не хотите ли вы сказать, что этот малец замешан в деле с дворцовыми часами? – лицо Ла Рейни вытянулось от удивления, он уставился на дю Плесси-Бельера, перестав жевать. – Нет, это из области домыслов!

– Это практически доказано, – холодно возразил полковник и, прикрыв глаза, закинул руки за голову.

– Как? Нет! Быть этого не может. Я сам его допрашивал. Я бы почувствовал. Я носом чую, когда от меня пытаются скрыть что-то, даже мало-мальски серьёзное. И к тому же этот малый, хотя и умён, но не настолько! Остановить часы мог только тот, кто разбирается в их механизме, дорогой полковник. Это однозначно. Это неоспоримый факт.

– А я и говорю, что у меня есть доказательства. Сегодня ночью он остановил последние двенадцатые часы в приёмной королевы, – дю Плесси-Бельер говорил так спокойно и уверенно, что Ла Рейни начало казаться, будто всё перепуталось с точностью до наоборот.

– Постойте, а как же... – проговорил он, жмурясь в попытке проснуться от кажущегося наваждения. – Нет! Я вышел из Шатле около полуночи, оставив мальчишку там. В камере!

– А что, если его выпустили из Шатле? Скажем, после вашего ухода. За несостоятельностью обвинений. Оказавшись на свободе, он мог вернуться во дворец. Дорогу-то он наверняка помнит. Да и во дворцовых коридорах прекрасно ориентируется, – полковник вытянул ноги к камину. – Прекрасно у вас тут. Тепло и уютно. А у меня сегодня выдалась совершенно сумасшедшая ночь.

– Да, я понимаю. Почти. Но не совсем, – не придав значения последним словам маркиза, пробормотал Ла Рейни сквозь прижатую к лицу ладонь. – Вы хотите, чтобы мальчишка взял на себя эти преступления? Так это об этом деле мне передавала свояченица? Я не помню всех подробностей. Не то дюжину часов остановили, не то почти пятнадцать. Кто ж упомнит теперь! Вот вы помните, ваша милость? – он многозначительно посмотрел в прикрытые глаза собеседника.

– Да, действительно, двенадцать или пятнадцать? Да и какие там преступления, – улыбнулся маркиз. – Детские шалости, право слово. Скажем, он мог на спор сговориться со старшим братом, с тем, который погиб в Лувре, что сумеет остановить стрелки на часах, и никто не поймает его на этом. Ну, а когда брата убили, эта шалость могла превратиться в одержимость, – когда маркиз опустил руки и подался вперёд, взгляд его синих глаз сделался серьёзным, и в нём не было больше и тени расслабленной неги. – Ведь обделённых умом и потерявших рассудок не судят, не так ли? А впоследствии мог бы этот мальчишка исчезнуть? Пропасть из поля зрения надзирателей, скажем?

– Смотря из чьего поля зрения, – потёр подбородок Ла Рейни. – Я как бы понимаю всё то, к чему вы клоните, ваша милость. И всё же есть кое-какие нюансы, которые вы не учли.

– Какие же?

– Мальчик – сирота, никого из родных у него нет. Для того, чтобы признать его невменяемым, блаженным, как вам угодно называйте, в любом случае суду будет необходимо подать ходатайство о поручительстве. Прощение о экзаменации. Это не так просто, если провести всё по закону. Судья должен назначить для рассмотрения и принятия решения людей – комиссию, стало быть. Это значит, что понадобятся услуги нотариуса. И это ещё не всё! Адвокату потребуется составить рекомендации и прошения, которые подаются судье. И эти люди в долгополых мантиях с белыми воротничками: магистры права из Сорбонны, советники Парламента, члены коллегии по уголовным делам – все они очень дорого ценят свою подпись. Всё это слишком сложно. Тем более если в этом деле замешаны внутренние дела королевского двора.

– А мы можем упростить процесс? Скажем, пустить его в бумажном виде, в документах и, – дю Плесси-Бельер встряхнул пальцами. – Если это дело заволокитить. Я возьмусь за то, чтобы заполнить все необходимые подписи и печати к ним. А вам всего-навсего нужно представить мальчишку в суде в качестве обвиняемого. И получить после рапорт из приюта для умалишённых о том, что они приняли к себе человека. А позже, – он снова взмахнул руками. – Был человек и нет его. Кто вспомнит об этом деле через полгода?

Ла Рейни аккуратно облизал карамельный сироп с ложки и отложил её на пустое блюдо, затем допил остатки вина и вытер пальцы и губы салфеткой. Он сосредоточенно раздумывал над словами маркиза и взвешивал в уме не только шансы на успех изложенного только что плана, но, кроме того, и несомненные плюсы от его союза с человеком, который явно не стремился застрянуть на нижних ступеньках придворной карьеры. Ла Рейни уже знал о том, что дю Плесси-Бельер пользовался успехом и уважением, которое было несоизмеримо с его молодостью и кажущейся неопытностью, и это предвещало ему блестящие перспективы. Этот человек умел мыслить рискованно, но широко, при этом не ограничиваясь в средствах для достижения поставленной цели. Словом, было гораздо выгоднее идти с ним вместе, чем ставить ему палки в колёса или бездействовать. В конце концов, мало ли комиссаров в Шатле? К услугам человека, назначенного Королевским советом провести расследование во дворце, были все полицейские чины Парижа. Он мог обратиться к любому другому комиссару.

– Я понял ваш план, – после недолгого раздумья произнёс Ла Рейни. – Но могу ли я получить гарантии?

– Чего именно? – полковник только вскинул брови чуть выше.

– Лично я не боюсь рискнуть. Но я хочу гарантий для этого мальчишки, – сказал Ла Рейни.

– Вот как? – дю Плесси-Бельер иронично усмехнулся. – Вы уже второй, кто требует от меня подобных гарантий. Воистину, сама Фортуна благоволит этому малому.

– А кто ещё просил за него?

– Скажем так, виновник моего внимания к скромной персоне этого малыша, – расплывчато ответил маркиз и обратил ленивый взор к потолку. – Пожалуй, я соглашусь дать эти гарантии, но что конкретно вы хотите от меня?

– Ничего особенного, – Ла Рейни с такой же леностью пожал плечами. – Вы же сказали, что об этом деле вскоре забудут. Ну так и о виновнике – о том, кого будут судить по этому обвинению, – тоже могут забыть. Не так ли? Скажу как есть – он мне интересен.

– Ясно, – коротко ухмыльнулся дю Плесси-Бельер. Всё шло как нельзя лучше. Для него было большим облегчением узнать о том, что Ла Рейни решил взвалить на себя заботы о мальчишке, которому предстояло сделаться козлом отпущения во имя торжества правосудия.

– Я хочу взять его под своё покровительство. У него будет новое имя, новая семья и новая биография.

– А вам это зачем? – Франсуа-Анри с интересом рассматривал полноватое лицо комиссара. Такого простаком не назвать, ведь у людей такого типа, как Ла Рейни, всегда был план, который он просчитывал на несколько ходов вперёд. И эти просчёты могли быть куда шире.

– Скажем так, парнишка приглянулся мне, – ответил Ла Рейни, разливая остатки вина по бокалам. – Смышлёный малый. Пока ещё не успел прикипеть к друзьям своего покойного брата, но уже прекрасно разбирается как в делах уличных, так и в делах дворцовых. Сент-Антуанское предместье – его родные места, он знает всё о тех бандах, уличных законах и их обычаях. А на службе во дворце он провёл почти целый год, и это немало для мальчишки. При должном воспитании из него выйдет отличный помощник.

– А не убьют ли его бывшие друзья, узнав о том, что он связался с законником, более того – с комиссаром тюрьмы Шатле? – скептически поинтересовался дю Плесси-Бельер.

– А они и не узнают об этом. Всё, что они узнают, это приговор, который будет вынесен судьёй. Кто вспомнит о нём уже через неделю? Если это не мятежный принц и не король, то Париж забудет о человеке уже через день-другой. На первых порах я отошлю мальчишку к моей родне в Нормандию. Он сможет выучиться. Успеет проявить себя на службе в провинции. Начнёт с низов и как все поднимется по служебной лестнице. Войдёт в общество как уважаемый человек. А потом я представлю его в Париже, а, возможно, что и в обществе, в качестве моего протеже, личного помощника и всеми уважаемого человека.

– Хм, звучит всё это слишком гладко. Идеально даже. Как-то неправдоподобно, – снова хмыкнул маркиз. – Не поймите меня превратно, дорогой мэтр, но это слишком хорошо, чтобы быть правдой. А вдруг мальчишка не захочет предать своих людей?

– Я уже поговорил с ним, – коротко ответил на эти возражения Ла Рейни, протянув руку вперёд и касаясь своим бокалом бокала в руке маркиза. – За здоровье Его величества короля! Итак, ваша светлость, давайте начистоту. Вам необходимо заменить одного бедокура на другого, так? А мне необходимо найти преданного помощника, толкового и ловкого. И лучше такого, кто обязан мне. Лично. Вы ведь понимаете меня? Итак! Меняемся? Одна повинная голова на другую, не менее повинную. Разве не справедливый обмен? В глазах закона это вполне оправдано.

– Не совсем, – протянул дю Плесси-Бельер, взвешивая в уме ценность размениваемых судеб. – Это не равнозначный обмен.

– Напротив. Очень даже равнозначный. В противном случае вам придётся открыть суду имя настоящего виновника. И его преступление в глазах Королевского суда может выглядеть куда более серьёзным, чем ошибки, совершённые по младости лет безвестным мальчишкой.

– Надо же! Этим утром я сам сказал эти же слова в оправдание своего плана, – пробормотал Франсуа-Анри и вытянул обе руки в стороны, чтобы размять затёкшие плечи. – Ну что же, значит, мы с вами предельно ясно понимаем друг друга? Это мне подходит.

– Мне тоже, – кивнул Ла Рейни. – А хотите встретиться с ним?

– Я? Нет. Зачем мне? Я представляю все собранные мною улики господину обер-камергеру. Следствие ведётся от его имени. И это он ведёт расследование в качестве королевского дознавателя.

– Обвинение в суде представит граф де Сент-Эньян? – спросил Ла Рейни. – А вы намерены поставить его в известность о нашей договоренности?

– Полагаю, что чем меньше людей будут посвящены в подробности этого дела, тем будет больше шансов сохранить его в секрете. Но я предоставлю графу все исчерпывающие улики. И да, я пришлю вам их описания и точные инструкции для ответов при даче показаний в суде.

– Это потребует времени, – Ла Рейни свёл кончики пальцев вместе и обратил взгляд на камин. – Мальчишку нужно будет серьёзно вышколить – дело-то нешуточное. Дворцовые кражи или шалости – это одно и то же в глазах судей. Преступления такого рода всегда разбирают строже. И с пристальным вниманием к деталям.

– Я позабочусь об этом, – заверил его маркиз и поднялся. – Мой человек будет у вас. Не здесь, а в Шатле.

– Нет, уж лучше в том трактире внизу по этой улице. У меня там свой кабинет имеется.

– Это тот, который под вывеской «Золотое перо»? – уточнил маркиз, поправляя шляпу перед маленьким зеркалом, стоявшим на туалетном столике в углу.

– Да. Этот трактир известен среди бумагомарак из коллегии адвокатов и литературных гениев. Ко мне там относятся как к поставщику новостей, да я и не против. Лучше самому подбросить парочку сплетен этим писакам и знать, что они напишут именно то, что я им продал, чем получать разгон от начальства.

– Ах да, у вас же есть начальство! – понимающе кивнул дю Плесси-Бельер.

– Надеюсь, что когда-нибудь в один распрекрасный день мои скромные заслуги привлекут внимание того, над кем начальствует только сам господь, – многозначительно посмотрев в глаза полковника, произнёс Ла Рейни.

– Возможно. Очень даже, – ответил тот и отошёл к двери. – Ну что ж, я доволен. Утро принесло даже больше просветления в ночную сумятицу, чем я рассчитывал.

– Так я буду ждать вашего человека, маркиз!

– Непременно! А я буду ждать положительного решения судьбы нашего баловня Фортуны. Как вы думаете окрестить его, кстати? Хотелось бы знать. На будущее, так сказать.

– Есть у меня родня в провинции, – уклончиво ответил Ла Рейни. – Леон или Ноэль, не велика ли разница? Дебре или де Брис – как-то так.

– Значит, Леон шевалье де Брис, – улыбнулся маркиз. – Как-то так. Я позабочусь, чтобы в своё время это имя попало бы в списки для рекомендаций к представлению на службу... Может быть, служба у префекта Парижа... Как знать!

– Неисповедимы пути дворцовых тайн, – пророческим тоном ответил на это Ла Рейни. – Вы верхом или в карете? Могу ли я воспользоваться вашим экипажем, маркиз? Дорога к Шатле не близкая, а утренний Париж полон людей, которые слишком хорошо знают о характере моей службы.

– Конечно же, друг мой! – хотя это и прозвучало несколько высокопарно из уст девятнадцатилетнего молодого человека, но Ла Рейни воспринял это с довольной улыбкой. Дружба маркиза, к тому же полковника, и, по слухам, приближенного короля – вот что было важно для продвижения по карьерной стезе.

– Так я живо! Мне для того, чтобы переодеться, требуется всего пять минут, – обрадовался Ла Рейни. – И если нам повезёт, мы успеем выйти, пока мадам Блюш не выглянет из кухни. Вообще-то, в быту она весьма полезная женщина, – продолжал он, переодеваясь за громоздкой ширмой. – Но чертовски болтлива. Не хочу, чтобы после все лавочники на улице Лагарп судачили о том, что я уехал ни свет ни заря в компании придворного вельможи.

Глава 5. Павильон Гонди

После семи часов утра. Парижская дорога. Павильон Гонди

Ранним утром на дороге, идущей от Сент-Антуанских ворот из Парижа в Фонтенбло, клубились облака пыли, поднятой из-под колёс экипажей и теле. Вполне себе естественное явление для того времени года, когда скупых весенних дождей было недостаточно для того, чтобы прибить к земле мелкую пыль. А вот примечательным событием на парижской дороге в столь ранний час было появление длинной вереницы из тяжело нагруженных телег и больших карет, способных вместить до восьми пассажиров, ехавших не в сторону Парижа, а от городских ворот в направлении Фонтенбло, точнее к повороту в сторону версальских лесов. Это было столь необычным событием, что поглазеть на внушительный кортеж выходили все: и владельцы придорожных трактиров, и конюхи, и случайные прохожие. Редкие утренние посетители придорожных трактиров оставляли на столах кружки с недопитым сидром и тарелки с недоеденной закуской, чтобы подойти к окнам и прижаться лицом к мутным от копоти и жира стёклам в попытке разглядеть гербы на дверцах проезжающих карет. Уж не королевский ли двор переезжает в Фонтенбло? Кортеж ехал как раз в ту сторону и вскоре уже подъезжал к первому повороту в версальские леса – туда, где дорога уходила к королевскому охотничьему замку, затерянному в лесной глуши среди болот.

В одной из первых карет, на дверцах которой красовались ярко-красные эмблемы со зверьком, похожим на прыгающую белку, ехал главный виновник этого дорожного переполоха – интендант финансов Никола Фуке виконт де Во. Не имея возможности исполнить всё необходимое для урегулирования закупок для нужд быстро растущей королевской армии до своего отъезда из столицы, он был занят чтением инструкций и регламента. Лишь изредка он позволял себе отвлечься от бумаг и обращал рассеянный взгляд в окно кареты, разглядывая проплывавшие мимо невесёлые ранневесенние пейзажи с бесконечными пустырями, которые внезапно сменялись столь же бескрайними и непроглядными лесами. Сидевший напротив него мужчина в чёрном камзоле такого же строго покроя, как и у интенданта финансов, но только из более дешёвой ткани и с простым отложным воротником из батиста вместо тонкого кружева, терпеливо поджидал удобного момента, чтобы заговорить.

– Неужели это настолько любопытное зрелище, Лекуто? – в очередной раз оторвавшись от чтения, спросил Фуке и показал пальцем на собравшихся возле придорожной корчмы зевак. – Не думал, что в такую рань нам повстречается хотя бы один человек. А это уже похоже на столпотворение какое-то.

– Немудрено, ваша милость, – Лекуто отвёл взгляд от окна и внимательно проследил за движениями рук патрона, когда тот аккуратно укладывал бумаги в портфель из буйволовой кожи.

– Немудрено, вы говорите? – готовый отвлечься на праздную беседу, Фуке пододвинулся поближе к окну с тем, чтобы посмотреть на толпу любопытных зевак, собравшуюся на обочине извилистой улочки небольшого городка. Одни размахивали руками и с восторженными криками приветствовали кортеж, другие указывали пальцами на великолепные большие экипажи и доверху нагруженные добром телеги.

– Так ведь, посудите сами, господин виконт, в этот час все подводы и какие ни есть кареты едут в Париж, чтобы успеть к рыночным торгам, к заседанию судейских палат или на приём в Лувре. Или ещё куда. Мало кто выезжает из Парижа в такую рань без особой надобности. А тут – целый кортеж! Это похоже на нечто грандиозное, вы не находите?

Фуке расцвёл в улыбке. Он чувствовал себя польщённым тем, что его называли по титулу, который он недавно приобрёл вместе с местечком и замком, обветшалым и маленьким, но с таким приятным и благозвучным именем – Во-ле-Виконт. Не считая, необходимым скрывать свои чувства от собственного советника по недвижимости и финансам, интендант благодушно кивал в ответ, а когда советник подвёл разговор к намёку на грандиозный размах замысла с выездом огромного кортежа, то в серых глазах Никола Фуке загорелись огоньки тщеславия и самого настоящего самодовольства.

– Да, это так. И у меня большие планы на ближайшие дни. Я должен... Нет! Я обязан позволять себе не только обширные замыслы в части некоторых схем, но и грандиозные праздники. Вы же знаете, Лекуто, – он с довольным видом похлопал по портфелю, который лежал у него на коленях. – Понимаете, Лекуто, человек успеха должен обладать способностью к широте мысли, к безграничности замыслов. Именно поэтому я и решил устроить праздник. Для того, чтобы получать новые привилегии, я обязан соответствовать тем, которые уже обрёл, и, сверх того.

Слушая эти разглагольствования, Лекуто с философским видом кивал, закрыв ладонью нижнюю часть лица, чтобы скрыть скептическую усмешку, игравшую в уголках тонких губ.

– Кстати, а почему мы поехали не в Сен-Манде? Что за внезапные изменения в планах? – спросил Фуке.

– Разве вы не пожелали устроить большое празднество, ваша милость? Такое, чтобы оно сделалось самым грандиозным по масштабам и размаху событием сезона?

Подобная манера отвечать вопросами на вопрос не нравилась Фуке. Но заинтересованный в разъяснениях, он проглотил комочек досады и решил до поры до времени не заострять внимания на недостатках в манерах советника. Вместо этого он забросил ещё один пробный камешек в тёмный и непроглядный омут – таким образом он воспринимал планы и идеи Лекуто.

– Я пожелал устроить праздник для большого числа гостей – это так. И вот поэтому мне странно, что мы едем не в Сен-Манде, где это вполне возможно устроить. Что с этим новым замком? Насколько он вообще готов к приёму гостей?

– Не забывайте, ваша милость, что это я проводил покупку поместья и всех прилегающих к нему земель. Я тщательно проинспектировал всё, в том числе и замок. Павильон Гонди не только готов к приёму гостей, он, можно сказать, один из немногих замков в окрестностях Парижа, где можно разместить более ста человек одновременно и с комфортом для всех. Кстати, ведь это там дядюшка почтенного коадьютора собирал не только совещания главных учредителей партии фрондеров, но даже умудрился разместить там штаб армии принца Конде, когда его высочество решил перейти на сторону Фронды.

– Вот как... – не удержался от скептической ухмылки Фуке. – Выходит, что мы едем в бывшее логово мятежников?

– Как по мне, то это было самое настоящее змеиное гнездо, – согласился с ним Лекуто. – Но именно из-за этой неприглядной репутации всё это поместье с замком и прилежащими к нему лесами досталось вашему сиятельству почти за бесценок. Господин коадьютор согласился уступить его за ничтожно малую сумму.

– Лучше бы он продал мне Бель-Иль, – пробормотал Фуке.

– Это подождёт, – уверенным тоном возразил Лекуто. – Сейчас Бель-Иль нужен самому коадьютору. Если вы понимаете, о чём я? Но со временем мы и остров с крепостью перекупим у него. Не будет же новоиспеченный кардинал скрываться на острове всё время. Рано или поздно он захочет попытаться покинуть Францию. А тогда ему понадобятся средства – много средств, и ему неизбежно придётся согласиться на продажу острова и крепости Бель-Иль за любую цену, которую вы назначите, господин виконт. Помяните моё слово: так и будет!

– Да-да, – махнул рукой Фуке и с нетерпеливым видом дал понять, что был не в настроении обсуждать финансовые дела. – Так значит, павильон Гонди готов к приёму гостей? Я настроен на лучшее, слышите, Лекуто! Должны быть устроены сцена, помост и зрительские места для театральной постановки. Я везу с собой лучших актёров Парижа. И не кого-нибудь, а самого Фиорелли! И кроме того, примадонну театра Итальянской комедии. За одно её появление на сцене парижане готовы бросить всё и пуститься хоть к черту на рога. И кстати, я разослал приглашения, как вы и посоветовали. Но странно было рассылать их без упоминания места, где будет проводиться праздник.

– Это вынужденная мера, ваша милость. Сошлётесь потом на то, что хотели доставить приятный сюрприз для ваших дорогих друзей.

– Друзей, – хмыкнул Фуке. – Там будут не только друзья, Лекуто. Большинство из тех, кого мы пригласили, на самом деле готовы вцепиться мне в горло, если им только пообещают моё место в Королевском совете.

– Зато там будет и большое число тех, кто готов разорвать горло за ваше сиятельство. Пусть это и всего лишь метафора, а они способны только надирать собственные глотки, декламируя стихи, – с усмешкой парировал советник. – Вы же знаете, что порой одного росчерка пера достаточно для того, чтобы повлиять на мнение толпы. А толпа – это сила. Управление толпой – вот в чём настоящая власть.

– Это уже не совсем так, – снова пробормотал Фуке. – Толпа была силой во времена Фронды, но со временем кардинал сделает всё, чтобы пересечь любую возможность управлять парижанами, да и провинциями в обход королевской власти. В наше время не росчерк пера, а правильно вложенные финансы – вот в чём сила.

– А это тем более, – согласился с этим доводом Лекуто. – Я не сдавался с покупкой павильона Гонди до последнего момента. Да, нам, то есть вам пришлось переплатить слегка, но это стоило того!

– Что значит «слегка»? – нахмурился Фуке. – Почему я узнаю об этом только сейчас? Насколько это «слегка»?

– Дело в том, что павильоном заинтересовалась ещё одна сторона. Кое-кто действовал в пику мне, и я знаю, что эти люди представляли интересы принца Конти. А может, и самого Конде.

– Вот как? И зачем же Великому Конде понадобился заброшенный павильон в глуши, вдали от Парижа? Я уже не говорю о том, что, будучи изгнанником в Испании, он вряд ли сможет наслаждаться охотничьими угодьями в окрестностях этого... Как он называется?

– Так и называется – павильон Гонди. Он граничит с версальскими лесами. Частично эти леса относятся к владениям павильона.

– Это интересно, но всё же зачем им этот павильон? – задался вопросом Фуке, раздумывая о претензиях на политическое влияние обоих принцев – Конти и Конде.

– Возможно, что ради свежего воздуха... – с таинственной улыбкой ответил на этот вопрос Лекуто. – Но если подумать, болотистые места не слишком привлекательны для наслаждения свежим воздухом и пейзажами. А вот то, что раньше там собирались для совещаний лидеры Фронды, и там же находилась ставка армии Конде – вот это может звучать привлекательным для того, кто пожелает выяснить: не осталось ли там что-нибудь интересное?

– Вряд ли герцог де Рец оставил там свою библиотеку или кабинет с документами, – скептически заметил Фуке.

– Возможно, – приподнял брови Лекуто. – А возможно, что впопыхах он мог оставить там тайник. А может, и не он сам, а кто-то ещё. И вот это и делает павильон куда более привлекательным для покупки, чем просто поместье в глуши. Охотничий замок Версаль, кстати, всего в полчаса езды оттуда.

– И что? – Фуке даже не посмотрел в его сторону, увлечённо рассматривая пейзаж за окном.

– И что? Да так. Наш юный король растёт. Скоро его уже перестанут интересовать дворцовые праздники и балеты. Он увлечётся охотой. И тогда он чаще будет выезжать из Парижа.

– Разве для этого он не предпочтёт леса в Фонтенбло?

– Это гораздо дальше, во-первых. А во-вторых, туда за ним может отправиться весь двор. А Версаль – это маленький замок, там разве что дюжину лакеев да гвардейцев расселить можно. Да и то в конюшнях. В самом замке можно разместить человек десять из свиты, не более того. Так что это будет очень ограниченное число избранных гостей. Разве не лестно оказаться владельцем замка, граничащего с королевскими охотничьими угодьями, и приглашать Его величество к себе на приемы? Да хотя бы и на правах доброго соседа!

– Я смотрю, вы мыслите далеко наперёд, Лекуто, – одобрительно кивнул Фуке. – Что ж, я рад, что не ошибся, доверив вам покупку павильона, а также выбор места для праздника.

Миновав первый поворот к версальским лесам, кортеж подъехал ко второму повороту, и кареты одна за другой медленно съезжали с широкой парижской дороги на узкую одноколённую тропу, которую и дорогой назвать можно было лишь с большой натяжкой. Разбитая и ухабистая, она заставила нервно напрячься кучеров и фореиторов, и с сожалением вспомнить о съеденных завтраках пассажиров в каретах.

– И не говорите мне, что в этом тоже есть свои плюсы, Лекуто, – сказал Фуке, вылезая из кареты, когда они прибыли к широкому полукругу напротив парадного крыльца трёхэтажного здания.

– В чём именно, ваша милость? – не обращая внимания на злые взгляды патрона, обращённые к нему, Лекуто широко улыбнулся молодой женщине, встречавшей их стоя на ступеньках крыльца, между тем, продолжая разговор:

– Если вы имеете в виду подъездную дорогу, то исправить этот недостаток возможно всего за несколько недель. Даже дней. Или часов – это при великом желании.

– При желании? Вы что же, полагаете, что я смирюсь с тем, что мои гости будут вынуждены расстаться с содержимым животов по дороге к моему новому замку?

– Нет. Ни в коем случае, ваша милость. И этот вопрос легко решаем. Вы видели, что по пути сюда мы проехали мимо первого поворота к Версалью? Так вот, вашим гостям не придётся трястись по ухабам этой заброшенной дороги. Они проедут сюда через версальский лес и даже не почувствуют неудобств от тряски.

– Но это же королевские владения! – вскричал Фуке.

– А кто узнает об этом? Из окон кареты один лес похож на другой, а супруга смотрителя королевских охотничьих угодий является экономкой вашего нового владения.

– Как это? – Фуке с подозрением посмотрел на женщину, приветствовавшую его глубоким реверансом.

Смуглое красивое лицо, обрамлённое уложенными в аккуратную причёску смоляными волосами, украшали большие чёрные глаза. Тонкий прямой нос выделялся, но не портил общего впечатления. В уголках несколько большого рта с алыми губами залегла едва заметная улыбка, смягчавшая выражение лица.

– Добро пожаловать, меесь виконт, – безошибочно угадав в нём нового владельца павильона Гонди, женщина спустилась по ступенькам навстречу к нему и снова присела в реверансе.

– Это мадам Годар, – представил её Лекуто и кивнул ей со снисходительной улыбкой. – Всё ли готово к прибытию гостей нашего уважаемого патрона, мадам?

– Павильон готов к приёму гостей, господин виконт, – сдержанно ответила экономка и обратила взгляд чёрных глаз на Фуке. – Не желаете ли освежиться с дороги, ваше сиятельство? В приёмном зале уже накрыты столы с напитками и закусками для вас и для приехавших с вами гостей.

– Это не те гости, – бросив мимолётный взгляд через плечо на прибывавшие кареты, ответил Фуке. – Это приглашённые актёры. Они будут играть для моих гостей этим вечером.

– Для них уже готовы их комнаты, – мадам Годар с лёгкостью, выдававшей в ней особу, привычную к капризам сильных мира, не обратила внимания на пренебрежительный тон в словах нового патрона, чем заслужила одобрительный взгляд Лекуто.

– Комнаты для актёров находятся в главном здании на третьем этаже. Прислугу же разместят во флигеле. Это напротив конюшен, – пояснил Лекуто. – А комнаты гостей располагаются на втором этаже. Первый этаж – это гостиная, приёмный зал, библиотека и ваши личные комнаты с кабинетом. Пока я распорядился оставить всё нетронутым, как было при прежнем владельце.

– Хм, – проговорил Фуке, поднимаясь по ступенькам. – Кстати, а как часто он бывал здесь?

– Весьма редко, ваше сиятельство, – отозвалась мадам Годар. – Я согласилась служить здесь потому, что работа в павильоне позволяла мне помогать моему мужу в работах в Версале. Король крайне редко появляется в своём замке. Так что мы с лёгкостью присматриваем за поместьями и лесами. Мой муж – королевский егерь и шатлен в Версале, а я здесь – в павильоне Гонди.

Пропуская мимо ушей подробности, которые, как он думал, не касались личного его, Фуке заинтересовался при упоминании о том, что король изредка приезжал в Версаль.

– Как давно здесь бывал король? – спросил он, грубо прервав речь молодой женщины.

– Его величество навещал замок вместе с маршалом де Грамоном, графом д'Арманьяком и несколькими господами из своей свиты прошлой осенью. Это был краткий визит всего на два дня ради охоты. В здешних лесах особенно хороша соколиная охота. Но, – поспешила добавить мадам Годар, прежде чем новый патрон прервал её речь новыми вопросами. – Кажется, короля не слишком впечатляет именно соколиная охота.

– Или теснота охотничьего замка, – хмыкнул Лекуто. – Там от силы можно человек десять разместить. А всех гвардейцев и доезжачих, егерей, а также всю службу, которую необходимо взять с собой, расселяют прямо в конюшнях. Ведь если я не ошибаюсь, то в самом Версале, кроме вас с супругом, живёт только старый смотритель замка, не так ли?

– Да. Павильон Гонди гораздо больше, – дипломатично согласилась мадам Годар.

– И здесь есть полный штат слуг, – добавил Лекуто, но их уже не слушали.

Фуке взял со стола бокал вина и прошёлся по просторному приёмному залу, служившему прежним хозяевам приёмной и бальным залом. Высокие окна были украшены широкими резными подоконниками, на которых были разбросаны в продуманном беспорядке подушки и мягкие валики, которые были весьма удобны для уютного отдыха. Опершись ладонями о подоконник центрального окна, Фуке с интересом смотрел на открывающийся вид широкого внутреннего дворика, в центре которого возвышалась башенка над старинным колодцем. Камни, из которых было сложено его основание, густо поросли мхом и диким виноградом.

– Как давно он высох? – спросил Фуке, прикидывая в уме: насколько было целесообразным восстанавливать заброшенный колодец под самыми окнами бального зала или же закопать его вовсе и построить на его месте беседку, или же устроить фонтан прямо в центре внутреннего двора?

– О, нет-нет! – поспешила с ответом мадам Годар, схватившись за сердце, словно на её глазах готовилось смертоубийство. – Прошу прощения, ваше сиятельство, – она посмотрела на Лекуто, ожидая его поддержки. – Колодец не высох. Он старинный, это так. Его вырыли ещё задолго до того, как замок перестраивали для герцога де Реца. Но мы содержим его в чистоте и порядке. А воды достаточно и для нужд павильона, и для конюшен.

– Но он находится прямо в центре внутреннего двора, – Фуке не настаивал на своём, но и не хотел с лёгкостью соглашаться с этой странной женщиной. – Здесь гораздо лучше будет

смотреться беседка. Или фонтан. Я поговорю о возможности перестройки внутреннего двора с мэтром Лево. Кстати, он уже прибыл?

– Да, господин виконт, – Лекуто обратил предупреждающий взгляд на мадам Годар, и она без слов отвернулась, чтобы отойти к камину.

– Пусть Лево найдёт меня, где бы я ни был. И да! А что насчёт сцены и зрительских мест?

– Уже всё привезли и вскорости расставят, – с готовностью закивал Лекуто. – Желаете осмотреть остальные залы и комнаты, господин виконт?

Эти лебезения перед ним и нарочитое повторение титула в обращении оставляли неприятное послевкусие. Но Никола Фуке не успел ещё привыкнуть к своему новому высокому положению и титулу, а потому неохотно прислушивался к подозрениям, зародившимся в глубине души.

– А это кто там? – спросил он, заметив стайку мальчишек, сгрудившихся над чем-то посреди пыльного пустыря, в дальнем углу двора возле крытой галереи конюшен.

– О, это мальчишки! – отозвалась мадам Годар и подошла к открытому настежь окну, собираясь прикрикнуть на сорванцов. – Это мои сыновья и мальчишки из соседнего селения. Их отцы состоят на службе у вашего сиятельства.

– Не кричите на них, не нужно, – решив сыграть роль добродушного хозяина, предупредил её Фуке. – Пусть играют себе. Да, игра в шарики в почёте даже далеко за пределами Парижа! – он с усмешкой переглянулся с Лекуто. – Но с наступлением вечера никого из них не должно быть под окнами зала. Это понятно?

– Да, ваше сиятельство, безусловно, – мадам Годар присела и потупила глаза под пристальным взглядом интенданта.

– На будущее, мадам, я хочу, чтобы эти мальчишки знали, где они могут играть, а где нет, – сказал он и заложил руки за спину.

– Это больше не повторится, ваше сиятельство.

– Я уверен, мадам. Более, чем уверен, – он скривил тонкие губы в усмешке. – И я хочу, чтобы впредь мне лично докладывали о том, кто поступает на службу в моём павильоне.

– Да, господин виконт, – Лекуто проворно выступил вперёд, загораживая собой экономку, а та поспешно ретировалась прочь из зала. – Это всё крестьяне из окрестных селений. Часть из них живут и работают на ваших землях. Некоторые работают на землях близ версальских лесов, которые принадлежат короне.

– Ясно. Достаточно на этот раз, Лекуто, – махнул рукой Фуке. – Покажите мне, где находятся мои комнаты и кабинет. И пусть актёров и музыкантов накормят поскорее. Я желаю, чтобы они приступили к репетиции перед премьерой.

Глава 6. Дела тюремные

После семи часов утра. Париж. Гранд Шатле

Поёживаясь от свежего ветерка, подувшего с Сены, Франсуа-Анри плотнее закутался в подбитую мехом пелерину, которую неосмотрительно оставил в карете кто-то из прежних пассажиров. Вопросительный взгляд Ла Рейни вызвал короткую усмешку полковника.

– Вчера был довольно тёплый вечер, – пояснил он, по-своему истолковав интерес к себе с его стороны, но Ла Рейни только приподнял ладонь и качнул головой. Его занимали совсем другие вопросы, да и одет он был гораздо теплее и куда удобнее для прогулок по городу по такой ветреной и сырой погоде.

– Мы едем к Гранд Шатле! – приказал дю Плесси-Бельер, громко постучав в потолок.

Он посмотрел на Ла Рейни, а тот с невозмутимым видом устроился на мягком сидении напротив, не выказав ни одной жалобы на холод или неудобства из-за раннего подъёма. Маркиз ещё раз поправил на себе пелерину, на сей раз натянув её до самого подбородка.

– А знаете, мэтр, я хочу заглянуть к этому мальчугану вместе с вами. Что вы на это скажете? – произнёс он и посмотрел сквозь меховую опушку воротника в лицо комиссара, который ответил ему с вежливой улыбкой и недоверием во взгляде.

– Вам это необходимо из интереса к обитателям парижских улиц? Или для отчёта по делу, расследование которого вам поручено?

– Не всё ли равно? – сощурил глаза дю Плесси-Бельер, но всё-таки не счёл объяснения тратой времени. – Я хочу услышать, что он может рассказать мне о другом деле. О том, к которому оказался причастным его покойный брат. Есть важные вопросы, которые следует выяснить прежде, чем мы представим отчёт графу де Сент-Эньяну для передачи собранных улик суду.

– Вот как? Признаюсь, я полагал, что при дворе к подобным делам относятся гораздо проще. Попросту забывают о них и дело с концом, – обронил Ла Рейни и с задумчивым видом отвернулся к окошку.

– Вы думаете, что можно вот так просто взять и арестовать человека, который состоит на службе в королевском дворце, а потом и вовсе забыть о нём? – полковник в свою очередь удивился тому, как представляли себе дворцовые процедуры люди, служившие закону вне королевского двора и практически никогда не бывавшие во дворце.

– Разве всё не происходит таким образом? Это жизнь, увы, – философски изрёк Ла Рейни, приняв своего собеседника за неисправимого романтика и идеалиста, выросшего на книгах греческих и римских классиков.

– Возможно, что со стороны кажется, будто бы всё происходит именно так, как вы сказали, – маркиз сложил руки перед собой, сцепил между собой пальцы и посмотрел в лицо Ла Рейни, когда тот повернулся к нему. – На деле, однако, всё совсем не так просто.

– Ага, то есть вся загвоздка состоит в том, чтобы избежать скандала, не так ли? – усмехнувшись, кивнул Ле Рейни.

– Не совсем. Прежде всего, речь идёт о чести королевского двора. Кроме того, соблюдение законности при расследовании этого дела является необходимым условием. Честь – вот на что следует обратить внимание прежде всего. Понимаете, человек, какого бы происхождения или положения он ни был, со времени поступления на службу во дворец становится человеком Королевского двора. А в случае, когда его определяют на службу в одно из дворцовых отделений, которые внесены в Реестр свиты короля или королевы, то берите на порядок выше. Это уже человек Королевского дома! И это значит именно то, о чём все думают, когда слышат эти слова. Прежде, чем обвинить и вынести наказание человеку Королевского дома, следует иметь в виду то обстоятельство, что обвинение уже само по себе бросает тень на все отделения

служб Королевского дома. Так что необходимо соблюсти не просто формальное отчисление обвиняемого с дворцовой службы, но, и, это самое главное, полностью доказать необходимость этой меры.

– Зачем же? Ведь суд может доказать или опровергнуть его вину, – возразил Ла Рейни, чем раскрыл свою несостоятельность по части дворцовых правил, так что дю Плесси-Бельер поднял взгляд к потолку с красноречивой миной разочарования:

– Парижский парламент не имеет власти над кем-либо из придворных или тех, кто состоит на службе в королевском дворце, пока не будет выдано личное распоряжение о том, подписанное самим королём.

– Вот как? – в этой фразе комиссара послышалось такое же разочарование.

К счастью для Ла Рейни, его собеседник не счёл этот тон за проявление вольнодумства и не услышал веяния фрондерских настроений, которые совсем недавно ещё витали в умах парижан.

– Король является главой государства. Этот факт вы не намерены оспаривать, дорогой мэтр, не так ли? – терпеливо продолжал дискуссию дю Плесси-Бельер. – Согласитесь, что в этом случае совершенно определённо и логично то обстоятельство, что король является главой и в своём доме. Я имею в виду дворцовые службы и, собственно, весь королевский двор.

– Ну, допустим, – уклончиво ответил Ла Рейни, стараясь не упустить нить рассуждений в речи полковника, при этом держась своего мнения: закон един для всех, независимо от того, касалось ли обвинение жителей парижских предместий или королевского дворца, в конечном счёте все являются подданными короля!

– Прежде, чем быть допущенным ко двору – будь то дворянин или же писарь, или обойщик, или помощник пекаря в дворцовых кухнях – каждый обязан представить необходимые документы, в которых должно быть подтверждение того, что это лицо является тем, кем он или она представились. Кроме того, требуется подать рекомендательные письма и заручиться личной порукой лица, которое принимает новичка под своё покровительство на службе во дворце или при дворе.

– Я думал, что эти формальности касаются только представления знати ко двору, – буркнул Ла Рейни, недовольный тем, что упустил из виду столь важное для себя обстоятельство.

– Перед законом все равны, не так ли? – дю Плесси-Бельер закинул руки за голову и лениво прикрыл глаза. – Надеюсь, в вашем ведомстве подадут что-нибудь бодрящее? То горячее вино со специями, которым нас угостила добрая мадам Блюш, странным образом влияет на желание расслабиться и уснуть, – при виде легкомысленной усмешки, играющей на губах молодого человека, в голову Ла Рейни закружились противоречивые мысли, а маркиз между тем продолжал с ещё большей беззаботностью:

– Я готов уснуть крепчайшим сном. Да и проспал бы с неделю, поверьте!

– Это всё её булочки с корицей и сладким соусом, – наконец поддавшись настроению собеседника, Ла Рейни ответил скупой усмешкой и расслабился. Сам-то он предусмотрительно оставил самую лакомую и сладкую часть завтрака без внимания. – Это всё коварный способ мадам Блюш заставить квартиранта размякнуть и провести утро в постели, а потом потребовать и второй завтрак.

– О, женщины, коварство имя вам! – проговорил с улыбкой дю Плесси-Бельер. После слов комиссара он понял, почему при встрече с ним мадам Блюш сразу же заговорила о свободных комнатах наверху и в связи с чем было выказано напускное радушие к незнакомцу.

– Так что же с этим мальчишкой? – Ла Рейни без обиняков вернул разговор в прежнее русло. – Вам требуются объяснения? Доказательства? Или понадобится представить его лично обер-камергеру двора? Или самому королю?

– Да. Да. И ещё раз, да! И последнее также не исключено, – отвечая на эти вопросы, дю Плесси-Бельер обратил взгляд в окно как раз в тот момент, когда перед ними открылся вид на противоположную сторону реки и башни длинного здания Гранд Шатле.

– У вас может возникнуть одна неприятная загвоздка. Малец находится под арестом по моему приказу, – отвлёк его Ла Рейни, как за соломинку ухватившись за новый предлог, чтобы убедить его отказаться от этой затеи. – Мы можем войти и допросить его. Но вывести за пределы Гранд Шатле без разрешения, подписанного главным комиссаром Шатле, невозможно.

– Могу я встретиться с ним? Кто он этот главный комиссар? Какой он человек? – дю Плесси-Бельер уже прикидывал про себя, как провести торг с человеком, в чьей власти было принятие решения арестовать и запереть в камере любого человека, но не было возможности никого освободить из-под стражи без особого приказа. – Так какой документ необходимо представить этому человеку? Достаточно ли будет явиться к нему от имени короля?

– Полагаю, что приказ главного прокурора Парламента или судьи... Или магистрата, – Ла Рейни загибал толстые крепкие пальцы, перечисляя должности известных ему людей, репутация которых была достаточно весомой в глазах главного комиссара.

– А как насчёт приказа, подписанного самим королём? Или, скажем, обер-камергером королевского двора?

– Это, безусловно, да! Я думаю, да, – не уверенно ответил на это Ла Рейни и ухватился за ручку, прибитую к стене, чтобы удержаться, когда карета резко накренилась на крутом повороте прежде, чем остановиться у ворот во внутренний двор тюрьмы.

– Дальше мы пройдем пешком! – выкрикнул Франсуа-Анри, требовательно постучав кулаком в потолок.

Доезжащий тут же соскочил с запяток кареты, поспешно открыл дверь и откинул подножку. Дю Плесси-Бельер вышел первым. Оставив тёплую пелерину на сиденье в карете, он тут же закутался в плащ, поднял воротник и надвинул шляпу на лоб.

– Ждите нас у моста! Мы скоро, – распорядился он и кивнул Ла Рейни, предлагая идти первым. – Будьте моим Вергилием в этой мрачной обители, дорогой комиссар, – пошутил он, справедливо полагая, что юридическое образование Ла Рейни позволит ему оценить сравнение с героем «Божественной комедии» по достоинству и принять это как комплимент.

– Выход отсюда возможен, хотя и не для каждого, – ответил замогильным голосом Ла Рейни и зашагал к воротам. – В отличие от той обители скорбных душ, куда попал Данте.

– Да. Пожалуй. И я не стал бы воспевать это место в поэмах, – посмеиваясь в воротник, маркиз поделился впечатлениями от мрачного вида тюремных стен.

– Я провожу вас в комнату, которую мне выделили в качестве рабочего кабинета, – предупредил его Ла Рейни.

– А что же этот малый? Вам позволят вывести его из камеры?

– Это не совсем одно и то же, что забрать его из тюрьмы, – объяснил Ла Рейни, стуча в ворота при помощи железного кольца, висевшего на уровне протянутой руки.

В узком проёме окошка, которое открыли перед ними после продолжительного и настойчивого стука, показалось заспанное и недовольное лицо охранника.

– Я – Ла Рейни, комиссар полиции Шатле. По делам службы, – назвалс я мэтр, но охранник покосился на стоявшего в стороне от него маркиза.

– Вы доставили арестанта, мэтр?

– Это его светлость маркиз дю Плесси-Бельер, полковник королевской армии, – ответил Ла Рейни, а сам маркиз подошёл ближе к воротам и, глядя в глаза охранника, коротко произнёс:

– Дело короля!

– Так-то оно так, господа. А бумаги у вас имеются? Войти вы сможете. Даже вдвоём. Но вот выйти, – этот неопределенный тон заставил Ла Рейни ответить недовольным взглядом и обернуться к маркизу с видом: «Я же вам говорил!»

– Дело короля! И если вы не желаете до конца своих дней охранять каторжников в каменоломнях, то пропустите нас сейчас же, сударь! А после вы точно также без вопросов выпустите нас по первому же требованию, – сурово, словно отчитывая на плацу провинившегося солдата, приказал дю Плесси-Бельер.

В ответ послышался металлический лязг отодвигаемого засова. Возможно, что стражи у ворот Гранд Шатле и не поверили бы всему услышанному, но уж больно правдоподобно прозвучала эта угроза в голосе этого важного дворянина.

Проводив дю Плесси-Бельера в комнату, служившую ему кабинетом, Ла Рейни отправился за арестантом. Он неторопливо спускался вниз по истоптанным каменным ступенькам винтовой лестницы, когда на одном из последних лестничных пролётов ему повстречался поднимавшийся наверх мужчина, широкий в плечах и такого крепкого сложения, что высокий рост придавал ему вид гиганта, внушая страх и почтение.

– Не спешили вы забирать того малого, как я вижу, господин комиссар, – его низкий бас гулко пронёсся под сводами, заставив Ла Рейни отвлечься от роящихся в голове мыслей.

– А чего спешить? Всё одно теперь ему только суда ждать, – отозвался он и кивнул гиганту, пропуская мимо себя. – Доброго утра и вам, месье Саваж!

– Доброго? Где ж тут, – с философским видом изрёк Саваж. – С раннего утра в подвале. Бедолаг допрашивать помогал. Мне такое утро добрым не кажется.

– Ну да. Пожалуй, – согласился с ним Ла Рейни, предпочтя не высказывать вслух своё мнение о методах ведения дознаний в Гранд Шатле.

Он спустился в подвальное помещение, разделенное на две части: комната для допросов и камеры для только что поступивших арестантов, ожидавших решения своей участи. Мало кто из тех, кто оказался за решеткой в Гранд Шатле, был освобождён до проведения формального дознания, проще говоря допроса с пристрастием. Однако же бывали и счастливые исключения. Некоторых спускали в этот подвал специально для того, чтобы услышав стоны и крики ужаса, которые доносились из комнаты для допросов, они решились заговорить начистоту. Отчасти Ла Рейни и сам прибегнул к этой тактике, поместив юного Дени Матье в одну из подвальных камер. Но признаваться в этом он не пожелал бы и на отходной исповеди, так как он искренне считал, что делал всё во благо закона и не без пользы для будущего мальчишки.

– Откройте! – приказал комиссар, указав охраннику на зарешеченную дверь камеры, в которой содержались несколько бродяг болезненного и жалкого вида.

– Матье! На выход! – выкрикнул он, вглядываясь в темноту, и вскоре на этот призыв откликнулся вихрастый рыжеволосый мальчишка, одетый, в отличие от товарищей по заключению, в добротный, почти неношенный камзол из тёмно-синего дорого сукна с серебряными галунами на воротнике и манжетах рукавов.

– Чёрт, а вот форму на тебе зря оставили, – проговорил Ла Рейни и зыркнул на притихших сокамерников мальчика. Те не проявили никакого участия в судьбе мальчика, которого, видимо, не приняли за своего из-за внешнего вида, свидетельствовавшего о глубокой разнице между ними в занимаемом положении в обществе и в достатке.

– Следуй за мной, – коротко приказал Ла Рейни.

Из комнаты для допросов послышался стон, а через минуту мимо них прошли два стражника, волоча за собой бесчувственное тело. Следом шёл тюремный писарь, на ходу отхлёбывая какую-то пахучую настойку из плоской фляги. Тяжёлый душок запекшейся крови и недав-

них испражнений ударил в нос, и Ла Рейни отвернулся, прикрыв лицо платком. Он отступил к стене, чтобы пропустить скорбную процессию, после чего повернулся к Матье и указал ему на бочку с водой, одиноко возвышавшуюся в углу.

– Пойди, умойся. Гнилостный запах так просто не смыть, но освежиться не помешает. Тебя хотят видеть. Из дворца.

Наученный жизнью не выказывать своего интереса ни к кому, с кем не был связан родством или службой во дворце, Матье не стал задавать вопросов. Он молча прошёл к бочке, снял камзол, зажал его между коленями, потом закатал рукава рубашки и запустил руки в бочку, загнувшись, пока не почувствовал, что его пальцы коснулись маслянистой жидкости. Морщась от запаха застоявшейся воды, он ополоснул лицо и шею. С длинных волос за воротник рубашки стекали струйки воды не слишком холодной, однако, от неё по всему телу пробежала дрожь, а в глубине души закралось гнетущее чувство страха. Неизвестно, что ждало его впереди, кто тот человек из дворца и что ему нужно? Ведь накануне вечером, сразу после ареста Матье рассказал комиссару всё как на духу о том, что он знал о краже драгоценностей из покоев фрейлин Её величества. А что если на этот раз от него захотят узнать больше?

– Ну всё, хорош! – скомандовал Ла Рейни и пошёл к лестнице.

Он на ходу помахал рукой Матье, чтобы тот следовал за ним, но оборачиваться не стал, предоставив мальчишке думать, будто бы это он принимал решение подчиняться приказу или же нет.

Глава 7. Неожиданные подробности

Семь часов утра. Париж. Гранд Шатле

Предоставленный самому себе, Франсуа-Анри какое-то время ходил взад и вперед по комнате, отмеряя шагами периметр, пока он сравнивал факты, полученные от де Виллеруа, с теми сведениями, которыми поделился с ним Ла Рейни. У комиссара, несомненно, было преимущество во времени и даже в средствах, однако в деле, которое напрямую касалось королевского двора, дю Плесси-Бельер обошёл бы его в два счёта. Да Рейни не мог знать самого важного – того, что старшему брату мальчика стало известно о том, что происходило во внутренних покоях дворца. Но более того, комиссару было невдомёк, что помимо краж, этот человек был занят поисками чего-то важного и ценного. Что можно искать в корпусе часов? Это должно быть нечто маленькое, незаметное и в то же время важное настолько, что ради этого люди были готовы рискнуть своим положением и даже головой. Что же такое важное и ценное могло уместиться под крышкой механизма часов? Была ли это записка, ключ или драгоценность? Без сомнения, тот, кто искал тайник, знал точно, что именно от него ожидали. Но успел ли он поделиться этим со своим младшим братом? Скорее всего, что нет, если ему было безразлично то, как долго малыш продержится на допросе с пристрастием. Вероятность того, что они могли закончить свои приключения в Гранд Шатле, этот человек, скорее всего, допускал. Но если он готовился к бегству и к тому, чтобы порвать с воровской шайкой, значит, он уже был уверен в том, что ему удастся выйти из Гранд Шатле. Стало быть, всё дело как раз не в ловкости, а в личности и в связях того, кто поручил ему эти поиски.

Железный лязг и последовавший затем грохот тяжёлого стула, придвинутого ногой, привели бы в чувства и покойников на кладбище Невинных. И на Франсуа-Анри это подействовало с тем же эффектом, к которому добавилось противное ощущение зубной боли от скрежета давно не смазываемых дверных петель.

Повернувшись к вошедшим, маркиз посмотрел на довольное лицо Ла Рейни, потом перевёл взгляд на мальчика, которому комиссар жестом руки приказал выйти на середину комнаты. Малец выглядел спокойным и даже уверенным в себе, несмотря на проведенную в подвалах Гранд Шатле ночь. В прямом взгляде светло-карих с желтизной глаз не было и тени страха. Напротив, он смотрел на полковника с интересом и с долей любопытства.

– Это и есть наш часовой вор? – спросил наконец дю Плесси-Бельер, продолжая разглядывать веснушчатое лицо мальчика:

– Должен сказать, сударь, меня впечатляет, что при столь запоминающейся внешности вы умудрялись оставаться никем незамеченным во дворце. Мне казалось, что я присмотрелся достаточно хорошо ко всем, кто состоит на службе в Королевском доме. А вот же! – и маркиз с усмешкой развёл руками.

– А я умею быть неприметным, – дерзко ответил мальчишка, и в тот момент краем глаза Франсуа-Анри заметил, что лицо Ла Рейни просияло в довольной ухмылке.

– Как воробей? – в уголках губ маркиза мелькнула улыбка.

– Что скажете, господин полковник? Подойдёт для вашего дела этот малец? – не без самодовольства спросил его комиссар.

– По описаниям он вполне подходит. Но ведь нам важно, чтобы и сообразительность была в наличии, – замялся с ответом Франсуа-Анри, решая про себя, стоит ли доверять в столь деликатном деле мальчишке, в дисциплинированности которого он не мог быть уверен? А отсутствие чувства страха и неумение справляться с волнением – всё это могло сыграть весьма дурную шутку и с самим мальцом, и с тем, кто доверится ему. А ведь речь шла не только о том, чтобы найти подходящего козла отпущения для отвода глаз, но и о будущем этого самого мальчика, как и другого тоже, того, чьего имени он не желал упоминать в связи с этой историей.

– Вы сомневаетесь, ваша милость? – спросил Ла Рейни, с чисто охотничьим чутьём уловивший недоверие в душе маркиза.

– Для начала я хочу поговорить с ним, – ответил дю Плесси-Бельер, внимательно изучая лицо мальчика.

Резким движением он отодвинул второй стул от стола и уселся, закинув ногу на ногу. Откинувшись на спинку стула, он оперся локтем о край стола и продолжал смотреть на мальчишку. Тот стоял, выпрямившись и глядя прямо перед собой. Но то ли он почувствовал недоверие к себе, то ли сама неопределенность в намерениях полковника смутила его, только теперь он уже избегал смотреть ему в глаза.

– Что ж, время терпит, – проговорил Ла Рейни, понемногу утрачивая свой прежний энтузиазм.

– Итак, сударь, что вы можете рассказать мне о том, почему вы здесь? – заговорил дю Плесси-Бельер.

Этот вопрос удивил мальчика. Он посмотрел на Ла Рейни, ожидая, что тот вмешается и сам всё объяснит полковнику.

– Я хочу услышать это от вас, – пояснил дю Плесси-Бельер, не сводя сурового взгляда с лица допрашиваемого.

– Я здесь потому, что господа полицейские арестовали меня, – наконец заговорил мальчишка и несмело поднял глаза, чтобы на короткий миг встретиться взглядом с полковником.

– Почему вас арестовали?

– Они решили так, – стушевался малец, и теперь Франсуа-Анри уже заметил явное недоверие к себе.

– Ясно, – с шумом опустив правую ногу на пол, полковник повернулся лицом к Ла Рейни и заговорил с ним так, будто они были одни. – Ничего не выйдет. Этот фарс будет раскрыт на первом же заседании суда, и тогда последствия будут крайне печальными. Скандал будет неизбежен. В лучшем случае этого малого отправят без дальнейших разбирательств на каторгу. В худшем – им займутся всерьёз и тогда уже допросы будут проведены в присутствии судей и присяжных. И, – он повернулся к мальчику. – И при содействии палача.

– Нет, – это прозвучало так невнятно, что Франсуа-Анри даже вскинул голову, чтобы посмотреть ему в глаза. – Нет, не надо палача, сударь, – повторил Матье уже громче, с трудом проглотив тяжёлый ком, подкативший к горлу.

– Вы готовы отвечать на мои вопросы? – всё также сурово спросил Франсуа-Анри, не выказывая ни малейшего признака расположения к нему.

– Да.

– Я не слышу, – не повышая голоса, повторил маркиз. – Что?

– Да, сударь! Я готов.

– Итак?

– Меня схватили, когда я пытался продать драгоценности одному приятелю моего покойного брата. На набережной. Мне обещали место на барже, которая отправлялась вниз по Сене. Я хотел сбежать.

– Так. А почему хотели сбежать?

– Мой брат, – мальчик сглотнул, и по его лицу скатился ручеек слёз. – Его... Убили! Я остался один.

– Вот так и скажешь, – внезапно Ла Рейни вмешался в допрос и, бросив быстрый взгляд на полковника, заговорил:

– Перед судьями ни слова не говори про Слепого Тэо! Ни единого слова, понял? И про шайку «уличных воробушков» тоже помалкивай.

Мальчик кивнул и посмотрел на дю Плесси-Бельера. Тот кивком дал знак, что согласен.

– И вот меня арестовали. Драгоценности украли люди, которые наняли моего брата. Он помогал им проникнуть в Лувр.

– А почему драгоценности оказались у вас? Вы с братом их хранили во дворце? – спросил дю Плесси-Бельер, и мальчишка тяжело вздохнул.

– Да. Мы хранили их в комнате в Лувре. Но потом брат вынес их из дворца и оставил у мадам Парадьен. Мы снимали у неё комнату на чердаке. Но так было не всегда, сударь! Мы не воры! Те люди забирали всю добычу сразу же, а брату платили монетой. Но во время последней кражи всё пошло не так. Те люди сбежали, оставив все драгоценности брату.

– Они приходили за ними?

– Нет. Они как в омут канули! Я не слышал от них ничего. А потом, когда брата убили, я и решил, что это их рук дело и мне нужно бежать.

Выслушав это признание, Франсуа-Анри размышлял над тем, что могло связывать эти кажущиеся совершенно разными дела. Зачем грабителям нападать на своего поделщика, но при этом не забрать все хранившиеся у него драгоценности?

– Это не они, – тихо прошептал мальчик и посмотрел в лицо маркиза, ожидая, когда тот снова обратит на него внимание.

– Что вы сказали? – переспросил тот.

– Это не они хотели его убить. Теперь-то я знаю. Потому что тогда они пришли бы и за мной. Они знали про чердак над лавкой мадам Парадьен.

– Ага, – согласился Франсуа-Анри – эти пояснения совпадали с его собственными догадками.

– Это другой человек был. Я его никогда не видел. Но брат рассказывал, что ему заплатили столько, что нам хватило бы на ферму и сверх того ещё. Задаток был знатный.

– Вот как? А за что такая щедрость? – спросил маркиз.

Он тут же отметил, как Ла Рейни оживился, выпрямившись на стуле, и подался вперёд. По заинтересованному выражению его лица было видно, что разговор перешёл к самому важному для него вопросу.

– Нужно было найти ключ, – ответил Матье.

– Только ключ? И всего-то? – иронично приподняв брови, уточнил дю Плесси-Бельер.

– Да. Но это особенный ключ. Брат сказал, что по сведениям, которые были у того человека, ключ был спрятан в задней стенке часов. Но тот человек не знал точно, в каких часах. Вот ему и понадобилось, чтобы кто-нибудь из дворцовых слуг отыскал их для него. А тут ещё и эти дела с часами начались. Час Купидона, – пояснил Матье, когда Ла Рейни удивлённо крикнул в кулак. – Вот он и придумал, что стрелки часов нужно остановить таким образом, чтобы подумали, будто бы всё это проделал всё тот же шутник – часовой вор. А если бы ключ нашёлся, то мы бы получили за него всю плату целиком.

– Так, – протянул маркиз, потирая подбородок. – Стало быть, вы останавливали стрелки часов таким образом, чтобы всё выглядело бы так, словно это проделал один и тот же человек? Умно, ничего не скажешь! А кто останавливал часы?

– Я, – сглотнув, прошептал мальчик.

– А почему вы? Почему ваш брат сам не выполнил это дельце? Зачем он и вас вовлёк в это? – Франсуа-Анри пристально смотрел в лицо мальчика, ожидая услышать ответ крайне занимательной задачи.

– Брат видел того человека. Часового вора. Однажды ночью они чуть было не столкнулись в покоях королевы, когда тот проделывал свой фокус с часами. Вот тогда брат и подумал, что пока он людей из банды проводит в покои фрейлин для кражи драгоценностей, я смог бы осмотреть часы в личных покоях короля. Я должен был пройти туда через дверь из комнаты господина Бонтана в спальню короля. Это те часы с золотой статуэткой. Там лошади и колес-

ница, и такая фигурка красивая, золотая, – с тяжёлым вздохом Матье описал то, как он остановил стрелки на часах Аполлона.

– Ага! – маркиз вдруг хлопнул себя по коленке и радостно воскликнул:

– Вот только про песок вы забыли!

– Про какой песок? – озадаченно посмотрел на него второй часовой вор.

– Про песок, который настоящий часовой вор сыпал в механизм часов, – пояснил Франсуа-Анри и переглянулся с Ла Рейни. – Пожалуй, что этот малый знает достаточно, чтобы сойти за настоящего вора. И всё-таки допрос в суде будут вести гораздо строже. Вряд ли к нему отнесутся столь снисходительно, когда услышат про поход в королевскую спальню.

– Для первого заседания будет достаточно покаянной речи о том, что его брата вынудили помогать грабители из парижского предместья, а сам он ничего толком не знал. О часах можно будет и не говорить. И пусть всё останется на бумаге, а там, – Ла Рейни широко взмахнул руками, показывая, насколько неопределённой может оказаться судьба судебных протоколов.

– Я согласен, – кивнул дю Плесси-Бельер и снова посмотрел на мальчика, заговорив с ним по-прежнему строго:

– Но вот что ещё я хочу узнать, сударь. Что стало с ключом, который вы должны были найти? Вы точно можете поклясться мне в том, что ни вы, ни ваш брат не нашли его?

– Нет, ваша милость, мы не нашли тайник с ключом.

– А тот человек, который заплатил вам за поиски, он пытался найти вас после гибели вашего брата?

– Да. Вчера днём я нашёл полный разгром в нашей комнате в Лувре. Будто бы там что-то искали. Я знаю, что это не могли быть те люди из предместья. Ведь они не смогли бы проникнуть в Лувр сами. И потом они знают, что драгоценностей там уже нет.

– Так, – взгляд Франсуа-Анри смягчился, но он смотрел в лицо мальчика всё также внимательно и серьёзно. – И вы уверены, сударь, что человек, заплативший вашему брату, не знает про вас?

– Нет. Брат не говорил обо мне. А во дворце никто и не знал, что мы братья. Это я господину комиссару всё рассказал после того, как меня с драгоценностями арестовали.

– Никто? А как же вас приняли на службу? Кто рекомендовал вас? – вопрос прозвучал столь сурово, что даже Ла Рейни невольно поёрзал на стуле, посочувствовав про себя тому, кто сам того не ведая, ввязался в это дело.

– Брат подсказал мне, чтобы я нанялся посыльным к одному дворянину. К гвардейскому капралу. Добрый малый, он-то и рекомендовал меня к младшему помощнику разносчика при кухнях. А тогда уже брат шепнул кому нужно, и меня повысили, приставив посыльным в подчинение к третьему камердинеру при королевских покоях. Я носил дрова для камина и воду в покои самого короля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.